

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

ОБЫКНОВЕННАЯ
ISTORYЯ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Вячеславовна Андреева

Обыкновенная история

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30810254

Обыкновенная история : роман / Наталья Андреева: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106703-8

Аннотация

Как в наше время покорить столицу девочке из провинции?.. Наивной, честной, чистой, выросшей под крылышком у мамы и не имеющей ни денег, ни модельной внешности, ни столичного университетского образования. Одним словом, идеалистке. Такою являлась Сашенька Адуева до своего приезда в Москву на «воспитание» к богатой тетке. Какие подвиги надо совершить, чтобы через семнадцать лет твое имя в родном городе произносили с трепетом и завистью?

Это не сказка о Золушке, а роман о жизни, со всеми ее неприглядными сторонами, болью и радостью, взлетами и падениями, любовью и ненавистью. История о том, в кого превращаются милые домашние девочки, когда понимают, что подарков от судьбы ждать не стоит, а принцы больше не ищут по закоулкам империи очаровательных замарашек.

Здесь есть о чем подумать, чему удивиться, над чем поплакать. И после этого пойти перечитывать классику.

Роман написан по мотивам «Обыкновенной истории» И. Гончарова. Много ли изменилось в нашей жизни с того времени?

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

92

Наталья Андреева

Обыкновенная история

© Андреева Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Всем, кого накрыла перестройка,
Кто пережил развал СССР,
Вытерпел в девяностые,
Не заелся в нулевые
И затянул пояса сейчас...
посвящается*

Часть первая

Ад пуст, все бесы здесь
У. Шекспир «Буря»

* * *

Нет ничего утомительнее долгой-предолгой дороги. Лишь сев за руль и отправившись по каким-то своим делам, в отпуск на юг или к родственникам в провинцию, начинаешь по-настоящему познавать мир: «Да, страна у нас огромная». До сих пор она была огромная где-то там, за пределами твоего собственного уютного мирка, и вот она лежит перед тобой во всей своей красе, эта страна. И с каждой новой сотней километров начинает накатывать раздражение: господи, да сколько же тебя еще?!

Взгляд нетерпеливо ищет по обочинам дороги указатели с цифирью, но такое ощущение, будто они стоят через каждый километр! Следующая стадия: начинаешь читать все подряд и, чтобы развлечься, ищешь что-нибудь забавное. А забавного в этой нескончаемой стране хватает.

Река «Лопоток». Забавно. Так же как и «Нижний Мамон» или «Ранова». Что такое эта Ранова? А кто такой Мамон? Деревня «Бухалово». Тоже прикольно. Так же, как и «Бо-

дуны»... «Черная грязь», «Погорелое городище», «Гнилуши»... Велика Россия! В одной ее половине заливают, а в другой в это же время бушуют лесные пожары.

А вот другая тема: «Конь-Колодезь», «Бобры», «Птицефабрика»... Этих птицефабрик по стране... Также как совхозов и колхозов: «Красный партизан», «Слава Октябрю», «Коммунарка»...

«Грачи». Какое милое уютное название. «Грачи прилетели», – это еще со школы все помнят. Знаменитая картина Саврасова. Весна пришла. Вот они и прилетели и расселись по березам. «Грачи»... Гм-м-м...

С дороги городишко кажется очень даже милым. Особенно летом, когда бушующая зелень закрывает полуразвалившиеся сараи, ржавые крыши и дыры в заборах. Когда по стенам домов вьется плющ и на центральной аллее в ряд, словно солдатики на плацу, стоят пирамидальные тополя, неизменные спутники хрущевок и символ городского «совкового» уюта. Да простят меня читатели за жаргонизм «совок». Нет, не «совок», конечно, великая страна, еще более великая, чем сейчас, просто потому, что тогда она была гораздо больше.

Сколько таких вот «Грачей» рассыпано, словно горох, по бескрайним холмам и равнинам! И везде *люди* живут. Нет, не так: *езде* люди живут. Как живут, другой вопрос.

Когда проведешь в машине часов этак пять, начинаешь думать, глядя на такие вот Грачи: что ж, везде люди *живут*.

Не трясутся на ухабах в неудобной позе, чувствуя, как затекают ноги, не щурятся от напряжения, глядя на бесконечную асфальтовую полосу, не проклиная голимую попу, которой забит эфир. Где-то к пятисотому километру начинает казаться, что все эти мелодии черпают ржавой кружкой из одного источника, причем и водица там давно уже с душком. И вот они, такие замечательные Грачи! Откуда веет прохладой и тянется восхитительный аромат пирогов. Такие есть только в провинции, потому что они на чистом сливочном масле и жирном деревенском молоке, а не городском порошковом. И начинку в них кладут щедро, в эти пироги. А еще чай с мятой. Дымок самоваров, стоящих прямо на обочине, на деревянных, наскоро сколоченных столах. Аромат сосны, когда она горит, пряно-сладкий и густо-смоляной. Связки румяных баранок и черствые, но оттого не менее вкусные тульские пряники... Ах, Грачи!

Но стоит свернуть с дороги... Нет, лучше этого не делать, потому что надо знать фарватер, прежде чем заезжать в какой-нибудь провинциальный городок. А то по незнанию можно тут же ухнуть в яму и угробить подвеску. А то и без глушителя остаться. Бу-бух! Ну, здравствуйте, Грачи!

Летом в этих милых маленьких городах почти всегда идет ремонт дороги. Посреди ободранной до костей дорожной полосы, левой или правой, стоит каток, сама же плоть, то бишь рваные куски асфальта, горой навалены на обочине. Знак «Стоп» и провисшая сетка-рабица на ржавых столбах, пото-

му что процесс идет долго. В провинции никто никуда не торопится. И правильно! Ремонт дороги, сколько его ни делай, только на сезон, климат у нас такой. Через год в этом же месте посреди обглоданной дорожной полосы вновь появится каток, только теперь уже слева, а не справа. А может быть, и справа. Разницы большой нет. Грачи!

Если городу повезло и его хозяйство окончательно еще не развалили, а мэр не сбежал с деньгами за границу, то на людном месте, возле автовокзала или сразу же за новенькой поликлиникой, будут красоваться подъемные краны, похожие на колодезных журавлей. Это новостройка. Бывает, что окна в новеньких домах закрыты целлофаном или даже рогожкой: денег не хватило. А старые дома ошетинились спутниковыми антеннами и в точности как субмарины, которые отслужили свой срок, и их оставили навечно догнивать в доках. Но они по-прежнему на волне: эфир забит новостями. Спроси кого-нибудь о политике – и тебе тут же расскажут, кто сейчас кого и где именно. У молодых, само собой, другие интересы, но самых крутых в мире реперов или модных диджеев в каких-нибудь Грачах назовут без запинки.

Заглянем в один из таких домов. Отсюда начинается наша обыкновенная история. Настолько же обыкновенная, насколько один типовой панельный дом похож на другой. Или кирпичный, без разницы. Насколько похожи маленькие провинциальные города и дачные поселки в окрестностях. Рынок по выходным, местный ансамбль «Ленок», а где-то «Ис-

ток» или «Родничок», свадьбы и похороны, юбилеи и поминки... Могут отличаться блюда на столах да напитки в бокалах, достаток у всех разный. Дискотека будет во время обильного застолья или же грянет «Ой, мороз, мороз!» под старенький баян. Потом непременно драка или просто ссора, потому что, подвыпив, гости начинают выяснять отношения и припоминать старые обиды, дальше братание и обмен телефонами. Все-таки человек – существо общественное, и долго злиться могут только зануды и трезвенники. Из года в год ничего не меняется. Из века в век, если не считать достижения технического прогресса. Не меняется сам человек.

Судьбы людей при всем разнообразии перипетий похожи одна на другую. А потому история наша обыкновенная.

Итак, Грачи...

I

Сашенька Адуева была милой домашней девочкой. Очень уж домашней, потому что мама от всего ее оберегала. Даже можно сказать, слишком оберегала. Так оберегала, что когда пришли первые в ее жизни месячные, Сашенька подумала, что она смертельно больна и у нее рак. Она долго не решалась признаться в своей смертельной болезни маме, чтобы ее не расстраивать, лучше уж истечь кровью, но выручила тетка Марья. Как и все старые девы, она была очень наблюдательна, не сказать, въедлива и без меры любопытна.

– А куда ж полотенце-то кухонное подевалось, Анька?

– Не знаю. Сегодня утром здесь лежало, – и Сашенькина мама растерянно посмотрела на огненную кухонную батарею. – Я чистое положила.

– Сашка, а ну, пойди сюда! – зычно крикнула тетка Марья. И когда дрожащая от страха племянница явилась на кухню, начала ее отчитывать: – То не допросишься, а то почти пустое мусорное ведро вдруг побежала выносить. Это с чего?

Сашенька залилась краской. А потом вздохнула и принялась рыдать. От тетки Марьи разве скроешь? Выслушав про ее «смертельную болезнь», тетка расхохоталась, а потом накинулась на сестру:

– Ты что творишь-то, Анька? Почему девчонке не рассказала то, что положено? Небось все о пчелках да о рыбках? О детях, которых в капусте находят? Вот же дура! Садись, Сашка, слушай.

И тетка Марья поведала багровеющей от стыда племяннице такие вещи... Такие вещи... В общем, Сашенька понастоящему заболела, не раком, конечно, но нервное потрясение было настолько сильным, что девочка две недели провалялась в постели. Вот такая была у Сашеньки заботливая мама.

Жили они втроем: две Адуевы и одна Горбатова. Сашенькин отец был майором и погиб, выполняя боевое задание. Так сказала мама. Осталась пенсия, которая очень помогала трем безмужним женщинам вести их небольшое домашнее

хозяйство. Жили они в панельной двушке, хрущобе, в той комнате, что побольше, Сашенька с мамой, а в другой, совсем крохотной, старая дева Марья Горбатова. Глядя на нее, Сашенька невольно думала, как же была права Агата Кристи, сделав гениальным сыщиком-любителем сухонькую седенькую мисс Марпл. Именно старые девы бывают настолько любопытны и всезнающи, что могут распутать любое, самое загадочное преступление. Тетка Марья была как раз из таких.

Сашенька обожала читать, мало того, грезила литературой настолько, что в самых смелых мечтах видела себя знаменитой писательницей. Мечты эти она никому бы не поведала под страхом смертной казни, также как никому не рассказала бы про то, что у нее начались месячные, если бы не тетка Марья. От нее разве что-нибудь скроешь?

Тетка жила сплетнями. Когда им переваливает за сорок, эти старые девы либо превращаются в мегер, всем отравляющих жизнь, либо в кладезь житейской мудрости. Все-то они знают, всех понимают, все мелочи подмечают и всегда готовы прийти на помощь дельными советами. Тетка Марья с возрастом в мегеру не превратилась, хотя выглядела именно так. И бурчала под нос, как старуха, и язвила, а еще была порою резкой, совсем по-мужски, могла и матерком пульнуть. В быту, разумеется, не на работе. Но все это было напускное. Сашенька прекрасно знала, что тетка ее обожает. И всем остальным желает только добра. Ну не сложилась личная жизнь, так кто же в этом виноват? Только злая судьба, ко-

торой было угодно, чтобы эта ветвь эволюции стала тупиковой. Не нужны никому Горбатовы. ТЭ, то бишь теория эволюции в действии.

Тетка, кстати, тоже обожала читать, и не только романы. Ее знания Сашеньку просто поражали. О чем ни заговори – тетка имеет собственное мнение, любую тему может поддерживать, любое заявление опровергнуть. Работала Марья Павловна Горбатова в городской библиотеке, заведующей, и в детстве Сашенька просиживала в читальном зале все свое свободное время. Читала она взахлеб. И поступила после школы тоже в Библиотечный институт. В Москву ее не пустили, училась Сашенька в областном центре, мама про столицу всегда говорила с ужасом. Мол, вертеп, гнездо разврата. Тетка была иного мнения.

– Эх, Сашка! Только в столице и жизнь! Не слушай мать, держи курс на Москву.

Словно подогревая интерес племянницы к столице, тетка Марья собирала грачевские сплетни с определенным уклоном:

– Ирку Тарасову помнишь, Ань?

– Это та самая Ирка, у которой муж позапрошлой зимой по пьяни замерз на даче?

– Ну, замерз. Зато дочка в люди выбилась. Поехала в Москву и там ее приметил какой-то знаменитый фотограф. Моделью стала, слышишь? Ирка сказала, что ее Оля в прошлом месяце за немца замуж вышла и уехала на ПМЖ

в Германию. Гражданство получила.

– Оляка Тарасова теперь в Германии живет? – округлила глаза Анна Павловна. – Она же в школе на одни «тройки» училась!

– Да при чем тут это, дура? Сказано тебе: модель. Зачем им мозги, когда ноги от самых ушей растут? Телевизор-то смотришь?

– Смотрю. Модели – они высоченные. А наша Сашенька маленькая.

– Так уж и маленькая!

– Сто шестьдесят пять, – скромно говорила Саша.

– Ну вот, видишь? – и Анна Павловна вздыхала с облегчением. В модели любимой дочери не грозило. Там одна наркота и разврат.

– А наша библиограф, Сонька Смирнова, – не унималась тетка Марья. – Выучила на курсах английский язык, списалась с англичанином по почте. Он, правда, вдовец, зато еще не старый. Очень ему наша Сонька понравилась. И готовить она умеет, и шьет, и вяжет, и из себя видная. А дети, что дети? И чужих воспитает, и своих родит. Она девка хваткая, работающая.

– Наша Сашенька лучше.

– Я тебе про что говорю? Списалась с англичанином. Вчера заявление об увольнении на стол мне положила.

– Уволилась из библиотеки? – ахнула Анна Павловна. – Да у нас в городе работу днем с огнем не найдешь! Тем более

молодой девушке.

– Вот о чем с ней говорить? – тетка Марья посмотрела на Сашеньку, словно ища у нее поддержки. – Я же тебе говорю: в Англию она уезжает! Замуж выходит! – тетка повысила голос. – А она мне: в городе для молодежи работы нет! Так одни, что ли, наши Грачи на всем белом свете?! Вон, глобус стоит, – и Марья Горбатова раздраженно ткнула пальцем в указанный предмет, да еще и крутанула его для наглядности. Аккуратно подстриженный ноготь уперся в остров Мадагаскар. – Чего нашей Сашке здесь делать?

– На Мадагаскаре-то уж точно ей делать нечего, – насмешливо сказала Анна Павловна. Она, кстати, работала в школе учителем географии. – Да и в Лондоне тоже. Там холодно и туманы. Пусть вон Сонька Смирнова там мокнет.

– Я не говорю: в Лондон. Не сразу. И не обязательно в Лондон. Но хоронить себя в глуши я моей любимой племяннице не позволю!

– Пусть сначала институт окончит.

– Я окончу, – обещала Сашенька. – Я хорошо учусь.

– Вот и учись!

Все эти разговоры заканчивались одинаково:

– Да чего там за примером далеко ходить, – подводила итог тетка Марья. – Вон, Лидка наша. Живет себе припеваючи. В той же Москве. А кому Лидка всем обязана? То-то.

Тут следует сказать, что сестер-то было три. Совсем как у Чехова. Три сестры, которые по молодости все рвались в

столицу.

– В Москву! В Москву!

Но уехала только одна. Историю эту Сашенька никогда не слышала целиком, только намеки. Знала только, что там что-то очень грязное, нечестное. Когда тетка Марья говорила «Лидка», презрительно поджимала губы. И никогда не называла «Лидку» сестрой. Сашенька знала, что это из-за Лидки они ютятся в малогабаритной панели, а когда-то у семьи Горбатовых был большой красивый дом на берегу озера, с просторной верандой, обвитой девичьим виноградом, с банькой и дивным старым вишневым садом. Ах, этот Чехов! Опять он!

Но теперь дома нет, он продан. И сад продан. А Лидка в Москве. Когда-то давно, семнадцать лет назад, Сашенька точно запомнила цифру и каждый год к ней прибавляла, чтобы не потеряться. Так вот, семнадцать лет назад на семейном совете было решено отправить младшенькую, Лиду, в Москву. Марью, которая была на десять лет старше, как раз в этот год поставили зам зав библиотекой с перспективой стать директором, когда та, кого она замещает, выйдет на пенсию. Поэтому самой умненькой из сестер, незамужней Марье, уезжать никак было нельзя. Ради карьеры старшая Сашина тетка пожертвовала тогда Москвой. Средняя же, Аня, напротив, была замужем, и Адуевым дали, наконец, отдельную квартиру. Сашеньке было тогда три годика, и она очень нуждалась в бабушке, потому что мама работала, а па-

па служил.

И бабушка переехала к Адуевым вместе со старшей дочерью, которой пообещали дать отдельную квартиру, как только Марья Павловна станет заведующей. Нагрянувшая перестройка, а вслед за ней развал СССР похоронили эти обещания навечно. А чудесный дом с вишневым садом уже продали, чтобы Лида смогла поехать в Москву. Лида была из сестер самой красивой и, разумеется, мечтала стать актрисой.

На этом рассказ обрывался, и голос тетки Марьи становился злым. И Сашенька понимала: эта Лидка что-то там, в Москве, натворила. Или не в Москве. Но в родной город она уже давно носа не кажет. Стыдно.

Институт Сашенька закончила, но достойной работы в родном городе для молодежи теперь уж точно не было. Большинство стояло на рынке, а в перерывах между «торговыми сессиями» моталось за товаром в Москву, а то и за границу, в Польшу. Мама настаивала, чтобы Марья Павловна взяла Сашеньку в свою библиотеку, ведь в торговле девочка быстро прогорит, не ее это, тетка отнекивалась:

– Да ты глянь на нее. Кого воспитала, Анька? Двадцать один год девке, а на уме одни книжки. Стихи свои недавно в журнал посылала. Посылала, Сашка?

Она заливалась краской, вспомнив вывалившиеся из конверта листочки со своими стихами и официальное письмо, которое показалось Сашеньке, очень уж злым: «Ваше творчество не представляет интереса для нашего журнала».

Потом была попытка пройти конкурс в Литературный институт. И опять: «К сожалению, Вы опоздали, в этом году работы на творческий конкурс уже не принимаются». Сашенька решила, что ее обманывают, что принимают, только там, в Москве, повсюду свои. И Сашеньке из ее Грачей ни в какой Литинститут уж точно не пробиться.

Однажды она подслушала разговор мамы с теткой.

– Аня, в Москву ей надо, к Лидке.

– Ты с ума сошла! Ждут ее там! А то ты сестру не знаешь!

– Я-то знаю, и лучше, чем ты. Не забывай, что это у меня... – дальше тетка понизила голос, и Сашенька уловила лишь отдельные словосочетания. «Драма всей моей жизни», «черная неблагодарность», «гадюка такая» и «долги надо платить». Тетка редко переходила на пафос, и Сашенька поняла, что Лидка – настоящее чудовище.

– Нет, нет и нет! – закричала мама. – И не проси, Марья! Никогда!

– Я сама с ней поговорю, – заявила тетка.

Сашенькина мама была женщиной доброй и слабовольной. Хорошей женой и матерью, незаменимым работником, славной хозяйкой. Но настоять на своем она никогда не умела. Тетка взяла верх и позвонила «суке Лидке». Та, видать, тоже была не подарок. От домашнего телефона летели искры, на том конце провода тоже накалилось. Орали обе, так что Сашенька с мамой закрылись на кухне. Но Марию Горбатову слышали все равно.

– А ты думала, я все забыла?! – кричала та на младшую сестру. – Скажи спасибо, что суда не было! Позорить тебя не хотелось. Ты меня, Лидка, знаешь: не примешь Сашку, я тебе жизнь отравлю. Это мое дело как. Все сделаешь, как я скажу, а не то... – в голосе старшей Горбатовой прозвучала угроза. Сашеньке стало страшно. В семейном шкафу оказался скелет в наручниках и с ножом в сердце. «Сука Лидка» оказалась замешана в криминале.

– Ничего не бойся, – сказала тетка Марья, положив трубку и увидев потерянное лицо своей племянницы. – Учись за себя бороться, не будь размазней, как твоя мать.

– А сама-то! – не удержалась Анна Павловна. – Не у меня жениха увели.

– А ну заткнись! – цыкнула на нее сестра. И резко сказала племяннице: – Собирайся в Москву. Билет я тебе куплю.

Проводы были долгими, Анна Павловна все никак не могла расстаться с единственной дочерью. Носилась по магазинам, покупая те вещи, без которых Сашенька, с ее точки зрения, не сможет обойтись в столице. И изводила дочь советами, которые тетка Марья презрительно называла глупыми:

– В первое такси не садись, с мужчинами в лифте не езд. В кафе не ходи, и уж тем более в ресторан. Там одни жулики. Деньги носи при себе, в бюстгальтере.

– Все?

– Да. Лидке не доверяй. Она нас с Марьей обобрала. И тебя оберет.

– Это как?

– Потом расскажу. Ты девочка умная, рассчитывай только на себя. Образование у тебя прекрасное, характер покладистый, замечательный. Старших уважай, в авантюры не ввязывайся, вообще, от плохих людей держись подальше.

– А тетя Лида хорошая?

– Ты ей как-никак племянница, родная кровь. И она нам с Марьей должна. Но деньги ей все равно не показывай.

– Да заткнись ты уже, – не выдерживала тетка. – Двадцать первый век на дворе, миллениум недавно отпраздновали, а ты: деньги в лифчике носи. Кино «Приходите завтра» когда сняли? Оно еще черно-белое, а ты все никак к цветному не перейдешь.

– Ничего с тех пор не изменилось.

– А мобильники? – ехидно спросила тетка. – Интернет?

– Я не знаю, что такое этот твой Интернет, – поежилась Анна Павловна.

– Вот поэтому тебя с работы и выпрут.

– Мне еще аж десять лет до пенсии!

– Это ты так думаешь. Эх, Анька, какая же ты овца.

– Ты как меня при дочери называешь?!

– Овца и есть. А ну пойдем, Сашка, пошепчемся.

И наедине с племянницей тетка говорила совсем другое:

– Образование у тебя по нынешним временам говно, характер дрянь. На тебя кто сядет, тот и поедет. Ты, Сашка, как ковровая дорожка: всем под ноги стелешься. Всем улы-

баешься, слово поперек боишься сказать. А все мать твоя с ее воспитанием. Учись говорить «нет». Для тебя это самое сложное. В Москве тебе не выжить, через годик-другой вернешься. Но если год продержишься – и то хорошо. Вернешься совсем другим человеком. Держись за Лидку, она тебя научит жизни.

– Она же плохая! Вас с мамой обобрала.

– Она умеет жить, в отличие от нас, – резко сказала тетка Марья. – Обобрала, потому что мы с сестрой позволили ей это сделать. И я тоже овца. Умная, начитанная, образованная, но все равно овца. Это еще хуже, чем овца глупая. Та не понимает, когда ее режут. А я все вижу, все понимаю, только сделать ничего не могу. Все равно иду под нож. На-ка тебе вот денег, – и тетка полезла в «шкапчик». Сашенька с удивлением увидела аккуратную стопочку долларов.

– Тетя! Откуда?!

– Тебе копила.

– Но доллары... Мама говорит, мы в России живем и деньги у нас должны быть русские.

– О Господи! Сашка, беги отсюда!

– Саша! Я тебе вишневое варенье на дно чемодана положила! И банку газетами обернула! А еще возьми огурцы соленые и масла.

– Допрежь чемодан-то? – ехидно спросила тетка. – У Лидки будет тебе сюрприз. Она наши гостинцы «обожает».

– Тетя, а откуда у тебя ее телефон? Мама говорит, ты ей

лет десять не звонила.

– Семь. Ты Библию читала?

– Да, но я не все там поняла.

– Это потому что молодая еще. «Мне отмщение и аз воздам». О чем это?

– Ну, о мести, должно быть. Ты злишься на сестру и мечтаешь ей отомстить, – догадалась Сашенька.

– Еще чего! Не мстите за себя, дайте место гневу Божьему. Только он вправе судить и карать. Если Лидка передо мной и впрямь виновата, то все у тебя сложится. И воздастся ей сполна. А если нет, значит, все было по справедливости.

– А что было-то? Почему вы с мамой никогда мне об этом не рассказываете?

– Стыдно. А за нее больше, чем за себя. Да и за себя стыдно. Пусть тебе это Лидка расскажет, а я, если что, подправлю. Бери доллары-то, – и тетка сердито сунула Сашеньке сверток с деньгами.

...Провожали ее всем миром. Шутка ли! В Москву человек уезжает! В погоню за счастьем. Последней прилетела на вокзал Ленка Пospelова, единственная Сашенькина подруга. Закадычная. Ленка училась в том же областном центре, только в другом институте, поэтому еще его не окончила. В Библиотечном-то учились четыре года, а в Ленкином пять.

– Фу! Успела! – и она кинулась Сашеньке на шею. Обе разрыдались.

– И ты ради меня приехала посреди зимней сессии? В такую даль? – умилилась Сашенька. – Бросила все и приехала?

– А, пересдам, – махнула рукой Ленка. – Диплом у меня считай в кармане. Как я жить-то буду без тебя, а, подружка?

– А я без тебя?

Славка скромно стоял в сторонке и ждал, когда подружки наплачутся. Кто-то считал его Сашенькиным парнем, потому что Славка частенько торчал у нее под окнами. Они даже пару раз поцеловались, а еще Славка как-то скатал из алюминиевой фольги кольцо и надел Сашеньке на палец. Больше для прикола, жениться в его двадцать один было глупостью, как сказала Славику мама. Он только-только пришел из армии, и Сашенька его терпеливо ждала. В этом, собственно, и заключалась ее миссия как Славиковой девушки. Ждать парня из армии и писать ему письма, чтобы все было, как у людей. А еще звонить и съездить на присягу.

– Я к тебе в Москву приеду, – угрюмо сказал Славка, мазнув ее губами.

Целоваться при всех было стыдно. Это ведь провинция, да еще вокзал. Весь город сегодня здесь, потому что поезд на Москву не каждый день. Многие работают вахтовым методом. А еще возят с московского оптового рынка товар, который продают потом на рынке местном. Бизнес доходный, поэтому московский поезд всегда битком.

Место у Сашеньки было боковое, но она ничуть не расстроилась. Зато нижнее, можно в окошко смотреть и нико-

го не просить подвинуться, не ждать, пока поужинают. Напротив нее, в купе, расположилась шумная семья с двумя детьми. Женщина тут же предложила:

– Присаживайся к нам.

Поезд еще не тронулся, а семейство уже закусывало.

– На каникулы в Москву едем, – охотно пояснила женщина.

На дворе была зима, и в Москве давно уже нарядили Кремлевскую елку. Сашенька и сама была не прочь сходить на эту елку, но потом с досадой вспомнила, что она уже не девочка. То есть, по факту уже не девочка, хотя, как частенько говорила тетка Марья, по менталитету сущий ребенок.

Вот такое чудо село в начале января в московский поезд, чтобы встретиться с теткой, которую Сашенька почти не помнила, и взять с нее какие-то долги. А еще проверить, насколько тетка виновата перед сестрами и Богом, чтобы он, Бог, ее покарал. Или не покарал.

Тетка Марья стояла на перроне, прямая, как палка. Все остальные кутались в шубы: на улице было морозно. А тетка стояла в болоньевом пальто на рыбьем меху, гордо подняв голову в платке-паутинке. Из гладкой прически выбилась седая прядь, волосы Марья Горбатова не красила. К чему и для кого?

Сашенька так и запомнила ее: с седой прядью на лбу и непреклонным выражением лица. Аз воздам...

Поезд тронулся, за окном проплыли унылый Славик и ры-

дающая Ленка Поспелова. Сашенькина мама бежала за поездом, пока не проехал последний вагон, а потом долго еще стояла на опустевших рельсах, обессиленная. Слез не было. Все они кончились еще вчера, когда Анна Павловна собирала дочери чемоданы. Да, ее уже провожали на учебу, но тогда Адуева знала, что Сашенька вернется. И знала, когда именно вернется.

А тут впереди была неизвестность, и она пугала. Людей старой закалки она пугает особенно. Тех, кто родился в СССР и чья молодость и формирование личности пришлись на эпоху брежневского застоя. Когда человек привык, что им управляют, и не умеет управлять ситуацией. Когда он привык ходить на работу с девяти до шести и не представляет людей, которые сами себе выбирают время и место работы. Когда он всю свою жизнь руководствовался моралью и правилами поведения маленького провинциального городка и всерьез полагал, что те же правила действуют и в городе большом. В столице. Были, конечно, и те, кто приспособился к новым условиям жизни и теперь процветал. Но Анна Павловна Адуева была как раз таки тем самым человеком старой закалки. И ей казалось, что она только что проводила свою дочь не иначе как в преисподнюю. И встретит ее там сам Сатана.

Как оказалось, Анна Павловна была не так уж и далека от истины.

Сашенька ехала навстречу судьбе, даже не подозревая о

том, что вскоре случится с ее провинциальной моралью. И что случится с ней самой. На дне чемодана, под банками с вареньем и соленьями лежала папка со стихами. И даже начало романа. А также два письма с отказами, один из журнала, другой из Литературного института.

Сашенька решила, что первым делом пойдет туда.

II

Лидия Павловна Бестужева жила по принципу «в человеке все должно быть прекрасно». И душа, и мысли, и лицо, а главное, одежда, потому что по ней встречают. Ну и, разумеется, фамилия. Поэтому, разведясь со своим первым, Лидия Павловна не вернула себе девичью, а оставила мужнину. Была когда-то Лидка Горбатова из Грачей, а теперь Лидия Бестужева, москвичка.

Она с особенным удовольствием выводила это на бумаге, заполняя какие-нибудь анкеты или подавая заявления в разные инстанции: «Лидия Бестужева». В человеке все должно быть прекрасно, а биография начинается со звучной фамилии. Успешная биография.

Муж мелькнул на горизонте и исчез, оставив Лидию с пустой душой и телом, покрытым ледяной коркой. То ли первая любовь самая сладкая, то ли был он большой искусник, только другие мужчины так и не сумели растопить этот лед, как ни старались. В постели Лидия всегда вспоминала его,

своего первого. Того, кто заставил ее сердце пуститься в пляс и чьи губы оставили пожизненное клеймо на ее теле: «моя». Клеймо, хоть и невидимое, но оно невыносимо жгло, стоило только Лидии впустить кого-нибудь другого в свою спальню. Поэтому там никто надолго и не задерживался.

«Сволочь», – беззлобно думала она о бывшем. «Бестолковая, вечно пьяная сволочь». Когда-то Лешка Бестужев, красавец и бабник, притащился за ней в Москву аж из самих Грачей. И Лидия его приняла. Не могла не принять, да еще, как дура последняя, побежала в ЗАГС расписываться. Вместе они прожили недолго, Лидия быстро пришла в себя. Роль главы семьи Лешку не прельщала, решать их проблемы он и не собирался. А Лидия вернуться обратно в Грачи просто не могла. Ведь ради ее карьеры, ради того, чтобы она стала москвичкой и потянула бы потом за собой всю семью, она, эта семья, продала прекрасный дом на берегу озера.

При разводе Лидия боялась, что бывший потребует половину всех ее денег, вырученных за родительский дом, которые лежали на сберкнижке, но Лешка был гордый и хоть мужик никчемный, но со своими понятиями о благородстве. Не спросил ничего и мелочиться не стал. Лидия внятно и без лишних церемоний объяснила ему, что ей нужна московская прописка, чтобы вступить в кооператив. Без прописки этого сделать нельзя, поэтому придется пойти на фиктивный брак. Купить себе мужа-москвича.

Лешка все просек и обиделся.

– Любовью торгуешь, – процедил он через губу. – Смотри, не продешеви.

Сразу после развода Лешка съехал к какой-то бабе, то ли в Бибирево, то ли в Бирюлево. И больше в Лидиной жизни не появлялся. Его способность находить себе женщин и пристраиваться к ним на содержание была поразительной.

О том, что его убили, она узнала много лет спустя, когда уже в третий раз была замужем, из социальных сетей. Извилистый и тернистый жизненный путь в итоге привел Лешку в город Ростов, а оттуда в наемники, отстаивать независимость самопровозглашенной республики. И в первом же бою его шлепнули, потому что Лешка ничего по жизни не умел. Ни денег заработать, ни гвоздь в стену забить. Не научился он и стрелять. Смерть любит таких женихов, дурных и красивых. Повенчанные пулей, они становятся прекрасными ее мужьями, потому что с ними не приходится долго церемониться. Они не канючат, не уговаривают: ну еще годик, хотя бы денек. Ну, пожалуйста. Как живут, так и умирают, бесшабашно и по-своему красиво.

– Что искал, то и нашел, – прокомментировала Лидия, но писать на Лешкиной страничке ничего не стала. В соцсетях его жалели, называли отличным парнем и даже (ха-ха) героем.

«Как же я была глупа», – удивлялась Лидия, рассматривая старые фотографии. «Из всех достоинств только красота и была у моего бывшего. Но такого добра! Зачем же в ЗАГС

бежать? Чуть квартиры не лишилась».

О том, как досталась ей в собственность эта первая в жизни жилплощадь, Лидия предпочитала не вспоминать. Что было, то быльем поросло. Еле успела тогда вложить деньги в кооператив. Можно сказать, что вскочила на подножку последнего тамбура последнего уходящего вагона, потому что вскоре после этого в стране началась перестройка. Сколько было бессонных ночей, сколько слез пролито и сколько нервов потрачено! Но – успела. Однушка в пригороде и стала ее стартовым капиталом.

Лидия быстро поняла, что на квартиру в Москве ни за что не заработать. Ее можно заполучить только обманом. А если не проходит обман, то совершив преступление. Об ипотеке тогда еще не знали, да и что такое ипотека? Тоже своего рода обман, потому что в итоге платишь двойную цену. Это беспросветное рабство на четверть века, в стране, где ни один человек до конца не уверен в завтрашнем дне.

Все было в жизни Лидии, и обман, и преступление. Как там сказал бывший муж? Настоящий, не фиктивный. Красавец и бабник Лешка Бестужев, вечно пьяный и абсолютно никчемный мужик. Смотри не продешеви? Продешевил-то он, подставив свой прекрасный лоб под пулю. Потому что чувства ничего не стоят, а жизнь, она одна. И она, единственная, имеет ценность.

Да, Лидии приходилось изворачиваться. Иначе было не выжить в этом чужом и безжалостном городе. И вот теперь ее

прошлое постучалось в дверь: долги надо платить. Племянница свалилась, как снег на голову. И никуда не денешься.

Лидия Павловна со злостью запустила опустевший бокал в стену. Звон разбитого стекла привел Бестужеву в чувство.

– Господи, что я делаю?!

Все просто: надо поставить племянницу в невыносимые условия. Чтобы она сама, по доброй воле убралась обратно в Грачи. Но сделать это надо тонко. Лидия Павловна давно уже никого не боялась, а вот сестру Марью опасалась. Ее проныцательности, ума, поразительной наблюдательности. Марья и впрямь в состоянии отравить ей, Лидии Бестужевой, жизнь. И долг перед ней самый большой. Можно сказать, неоплатный. Марья не должна узнать, какими делами ворочает в Москве ее младшая сестра, а узнать об этом она может только через племянницу.

– Шпиона ко мне засылает. Разведчика. Ну, ничего. Я ей устрою.

Встречать Сашеньку Адуеву на вокзал Лидия Павловна не поехала. Сказала сестре по телефону:

– Я на это не подписывалась. У меня дела. Буду занята до вечера.

На робкий вопрос Анны, где же Сашеньке болтаться до вечера в незнакомом городе, да еще с тяжелыми чемоданами, отрезала:

– Да хоть на вокзале. Подождет, не принцесса.

И вот в семь вечера раздался звонок в дверь. Лидия Пав-

ловна запахла шелковый пеньюар и неторопливо направи-
лась в прихожую. В дверь больше не звонили.

– Деликатная какая, – хмыкнула Бестужева и щелкнула замком.

Племянницу она оценила сразу, с первого же взгляда. Типичная лохушка. Таких она, Лидия Бестужева, всегда презирала. На таких и сколачивала свой капитал.

В первый момент у нее даже слов не нашлось.

«Как же похожа на *ту, другую*, – потерянно думала Лидия. – Хотя, о чем это я? С тех пор лет семь прошло, не меньше. Давно пора забыть. Если до сих пор не объявилась, значит, ничего у нее не вышло, несмотря на молодость и смазливое личико. А как кричала: “Я вам отомщу!” Сгинула где-то или по рукам пошла. Я давно уже могу спать спокойно, ничего мне не грозит, ни суды, ни безжалостные мстители, которые потеряли голову от страсти и готовы свести со мной, обидчицей, счеты за свою любимую. И от этой девицы я тоже легко избавлюсь».

Но холодок все равно бежал по спине, и вспоминались тогдашние ночные кошмары. Середина девяностых, разгул криминала. Кто-то поймал золотую рыбку в мутной воде, а кто-то и пулю. Она, Лидия, поймала за хвост золотую удачу. А как поймала, об этом лучше не вспоминать.

– Заходи, – она брезгливо потянула носом и посторонилась. Фу! Что за духи? То ли «Красная Москва», то ли «Ландыш серебристый».

– Здравствуйте, тетя Лида! – и лохушка попыталась броситься ей на шею. Лидия Павловна еле увернулась.

– Не наша, не Горбатова, – сказала она, окинув племянницу внимательным взглядом с головы до ног. – На отца похожа, тот тоже был светленький. И рост подкачал.

Сама она была темноволосая, высокая и статная женщина, и очень похожа на свою старшую сестру. На Марию. Только та за собой совсем не следила, косметикой не пользовалась, даже поседевшие волосы не красила. А Лидия Павловна придавала своей внешности огромное значение и не вылезала из салонов красоты. Косметологи, стилисты и визажисты доделали то, что так щедро, с размахом начала природа. Рост, стать, роскошные волосы, красивые длинные ноги, – все это у Лидки Горбатовой было и в Грачах. А вот шик, умение себя подать и свой особенный стиль, – это Лидия Павловна Бестужева приобрела за годы, проведенные в Москве.

Глядя на нее, Сашенька отчего-то вспомнила чеканку, висящую на стене в их маленькой уютной квартирке. Выбитая на медном листе женщина с лебединой шеей и безупречным профилем склонялась над свечой, которую держала в руке. У женщины были невероятно длинные, прямо какие-то нечеловеческие пальцы и отрешенный взгляд. Оробевшая Сашенька также подумала и о тетке: чеканка.

Какое-то время обе молчали, чувствуя неловкость. Не виделись они давно, лет семь. Сашенька московскую тетку почти не помнила, а та и не сочла за труд запомнить, как вы-

глядит грачевская племянница.

– Что ж ты стоишь? Проходи, – сказала, наконец, Лидия Павловна. Сашенька схватилась было за чемоданы, но тетка ее остановила: – Нет, это здесь оставь.

Сашенька от робости даже не спросила почему. В теткиной квартире она сразу потерялась, такая ее окружала роскошь. Просто-таки нереальная! На самом деле по московским меркам Лидия Павловна была всего лишь крепким средним классом, но никак не богачкой. И ее квартиру нельзя было назвать шикарной, равно как и мебель в ней. Ни фонтана посреди гостиной, ни джакузи размером с маленький бассейн в огромной ванной комнате, ни мраморных колонн, ни антиквариата. Большая, хорошая квартира в сталинке, с евроремонтом и весьма сдержанным дизайном, без позолоты и стразов, которыми в начале нулевых обильно стали украшать одежду, а потом и мебель, и машины, и даже модные гаджеты. Квартира тетки не сияла, как было модно, а скорее выступала островками из сумеречной глубины, благодаря светодиодной ленте в потолочных нишах и утопленным в стенах световым панелям. Но Сашеньке, которая жила только у мамы в Грачах да в общежитии при институте, показалось, что она попала в рай.

Она неуверенно прошла в гостиную и застыла в дверях, не зная, куда сесть и куда девать руки.

– Осматривайся, – презрительно сказала тетка.

Сашенька попятилась назад, в холл, робко толкнула дверь

в одну из комнат, оказавшуюся спальней, и замерла. Кровать была огромная, на полу лежал пушистый белоснежный ковер. Попрять его вызывающую роскошь своими ногами Сашенька не решилась и тут же отступила. Другая комната, напротив спальни, вся была в зеркальных шкафах и показалась вконец растерявшейся девушке пустой.

– Это здесь я буду жить? – дрожа, спросила она у тетки. Да как жить-то в этих зеркалах?! Ни тепла, ни уюта. Хоть бы салфеточку какую положили. Рушник с вышивкой. Пустота и тоска, помноженная бесчисленными зеркалами.

– Что?! Жить?! Да с ума, милая, сошла? Где здесь жить? Квартирка на одного. Гостиная, спальня, кухня и гардеробная. Туалет один. Как видишь, не хоромы.

Эта квартира была раза в три больше той, где жила Сашенька с мамой и теткой Марьей. А когда-то с ними жили еще и бабушка с папой. У московской тетки были именно хоромы, с высоченными трехметровыми потолками, с огромными окнами, а гостиная еще и с эркером. Кажется, так это называлось. Сашенька впала в ступор от теткиных слов. «Квартирка на одного».

– Ко мне приходят люди, – все больше раздражалась та. – Нужные люди. Иногда здесь ночуют мужчины. У меня случаются любовники. Как ты успела заметить, я еще молода, – насмешливо сказала тетка.

Сашенька прекрасно знала, что ей тридцать восемь, но выглядела тетка лет на тридцать, не больше. Мужчины, на-

верное, с ума сходят от такой роскошной женщины, Разумеется, они здесь бывают. И... от этой мысли Сашенька залилась краской. *Ночуют.* Они здесь ночуют.

– Я нашла тебе квартиру, – продолжала меж тем тетка. – Не здесь, потому что здесь дорого. В пригороде. Ничего, поездишь, я хуже начинала. Деньги есть у тебя?

Сашенька, и без того румяная от смущения, стала как вареная свекла. Вот оно, начинается! «Деньги Лидке не показывай», – предупредила мама.

– А, понятно, – усмехнулась Лидия Павловна. – Тебя предупредили о моих аппетитах. Сколько там у тебя? Чтобы я не позарилась.

– Тысяча долларов, – пролепетала Сашенька. – Мне тетя дала.

– Сколько же Марья постилась? – расхохоталась Лидия Павловна. – Тысяча долларов, ты подумай! Целое богатство!

– Еще рубли есть. Мама накопила.

– Что, пустила кровь родительнице? И тетку выпотрошила. Зачем? Чтобы Москву посмотреть?

– Я... – Сашенька сглотнула. – Хотела в институт...

– У тебя же, вроде, есть образование? – удивленно приподняла свои идеальные черные брови тетка. – Кстати, какое?

– И... Институт Культуры.

– Институт чего, прости?!

Ее смех Сашеньку просто убил. Тетка смеялась до слез.

Они стояли в зеркальной комнате и во всех зеркалах отражались нахохлившаяся, как воробей, до крайности смущенная таким ледяным приемом Сашенька и роскошная, величественная Лидия Павловна Бестужева. Госпожа и ее затюканная горничная. Королева и гувернантка детей ее дворцового. Барыня и крестьянка со скотного двора. Ибо для Лидии Павловны запах «Красной Москвы» был так же оскорбителен, как и запах навоза.

– Ты можешь остаться здесь переночевать, – сказала она снисходительно, перестав смеяться. – Но завтра ты отсюда уберешься вместе со своим барахлом. Я тебе, так и быть, помогу. Двести пятьдесят в месяц будет стоить твоя квартира.

– Так дешево? – удивилась Сашенька.

– Долларов, дура, – начала терять терпение Лидия Павловна. – Поэтому тебе надо как можно скорее устроиться на работу. Я планировала пристроить тебя секретарем-референтом к одному моему клиенту, он мужик неплохой, денежный и щедрый, но там нужно знание иностранных языков, английского и хоть немного итальянского. Но главное – модельная внешность. Я не ожидала, что ты такая *маленькая*, – обидно сказала она. – Моя средняя сестра нормального роста.

Сашенька никогда не считала себя коротышкой. Сто шестьдесят пять вполне нормальный женский рост. У них в Грачах она даже считалась высокой. В провинции народ мельче. Но тетка возвышалась над ней почти на голову.

Должно быть, в классе Лиду Горбатову дразнили Дылдой.

– Мне надо выпить, чтобы все это пережить, – сказала Лидия Павловна и, оттеснив племянницу плечом, зашагала на кухню.

Сашенька уныло двинулась следом. Собственно, это было одно огромное помещение: кухня, соединенная с гостиной. На низком столе перед огромным угловым диваном стояла открытая бутылка вина и бокал со следами чего-то красного на дне. Сашенька, которая пила только шампанское по большим праздникам, опять впала в ступор. Вино? В будни? И не за ужином?

Тетка меж тем даже не обратила на бутылку внимания. С кухни она вернулась с пузатым бокалом, в котором в чем-то янтарном, пахучем плавали кубики льда. Наверное, это и называлось «мне надо выпить».

– Тетя Лида, может, мне покушать что-нибудь приготовить? Я умею, – лихорадочно пыталась растопить лед несчастная Сашенька.

– Я ужинаю в ресторане. И не зови меня тетей. Еще чего! «Тетя Лида», – Бестужева поморщилась. – Это старит лет на десять. Не вздумай обращаться ко мне так на людях. Вообще забудь это «тетя Лида».

– А как же мне вас называть?

– Ликой. Лидия – имя старомодное. От него так и воняет Грачами. Для своих я Лика. Для тебя, так и быть, тоже. – Тетка сделала из бокала внушительный глоток и, усевшись

на диван, закинула ногу на ногу и сказала. – Минут пятнадцать у меня еще есть. Итак, на чем мы остановились? Ах, да! На институте. Ну и в какой же институт ты, милая, собралась поступать? Второе высшее образование тебе не помешает, это верно.

– В Литературный.

– Ты что-то пишешь? – на лице у тетки было глубочайшее изумление. Кажется, Сашеньке впервые удалось ее чем-то заинтересовать.

– Да, стихи.

– Почитай.

– Как, сейчас?

– Ну да. А что тут такого? Ты же поэт, – насмешливо сказала тетка. – Неужели наизусть ничего не помнишь?

– Помню. Но... Я не готова, – промямлила Сашенька.

– Тогда какой же ты поэт? В литературе огромная конкуренция. Как говорится, кто смел, тот и съел. Читай, – велела тетка.

Сашенька с трудом проглотила комок в горле и без энтузиазма, заикаясь от робости, начала:

Поток дневного света

Обрезан об окно.

Хорошая примета

Как крепкое вино.

Без всякого навета

И прочего вранья

Хорошая примета
Как радуга моя...

– Стоп, – прервала ее тетка. И, качнув бокалом, выразительно продекламировала:

Зима недаром злится,
Прошла ее пора.
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

– Ничего не напоминает?

– Размер тот же, – пролепетала Сашенька. Кто бы мог подумать, что тетка знает наизусть хоть какие-то стихи? И разбирается в поэзии.

– Ну и зачем?

– Но...

– Зачем кому-то подражать? Глупостью заниматься зачем? Время драгоценное терять? Выброси это немедленно. И не вздумай никуда *с этим* ходить, не смейши людей. Еще что-нибудь есть?

– Я роман начала писать.

– Роман? Это уже интереснее, потому что поэзия сейчас не пользуется спросом. О чем роман?

– О любви.

– Что ты знаешь о любви, девочка? – рассмеялась тетка. – Ты ведь девственница?

Сашенька опять побагровела:

– Порядочные девушки не обсуждают это вслух.

– Значит, девственница, – удовлетворенно кивнула тетка. – Роман о любви от девственницы. Это забавно. А секс там есть? – ехидно спросила она. – Роман о любви не может быть без постельных сцен. Ну и как ты их собираешься писать? Не имея постельного опыта?

– А если не собираюсь?

– Без секса это не продается, – отрезала тетка.

– Так что же мне делать? Сначала замуж выйти, а потом писать?

– Ты сначала выйди. Думаешь, это так просто? Замуж, – хмыкнула тетка. – То есть интимных отношений вне брака ты не признаешь. Забавно, – повторила она. – Узнаю родные Грачи.

– По-вашему, девственницей быть плохо? – Сашенька еле выговорила это. На откровенные темы она всегда говорила неохотно и краснея.

– Нет, отчего же? Это замечательно. Девственность в цене, так что ты береги ее. Может, даже за богатого замуж выйдешь. Хоть что-то ценное у тебя есть. Кроме тысячи долларов и дерьмовых стишков, – насмешливо улыбнулась тетка. – А вообще, милая, ты бы лучше детективы писала. Вот кто деньги лопатой гребет! Эти пишущие бабы неплохо зарабатывают, когда попадают в струю.

– Но при чем тут литература и деньги? Разве пишут не

для души?

– О... Как все запущено-то, – удивленно сказала тетка. – Некрасивая, дурно одетая идеалистка, да еще и девственница. Что же мне с тобой делать? А впрочем, мы решим это завтра. – Она встала. – Меня ждут. Я еду в ресторан.

– Я, наверное, переоденусь, – Сашенька тоже встала.

– А при чем здесь ты?

– Но... Мы ведь будем ужинать?

– Это я буду ужинать. А ты, милая, свой ужин еще не заработала. Впрочем, можешь покопаться в моем холодильнике, авось что-нибудь и найдется. Сразу предупреждаю: готовить я не умею, да и времени на это у меня нет, поэтому продуктов в доме мало. Много только выпивки. Предпочитаю ужинать вне дома.

– Но ведь уже девятый час!

– И что? Ах да! В Грачах уже спать легли. Помню. В шесть вечера улицы пустеют, а в девять город вообще вымирает, друг за другом гоняются по кругу три собаки. Провинциальные привычки надо бросать, милая, если хочешь жить в Москве. Здесь в девять вечера народ только с работы возвращается. Москва вообще не спит. Напротив, ночью здесь начинается все самое интересное. Но об этом мы еще поговорим. Кстати... В чем ты собиралась пойти в ресторан? – с любопытством спросила тетка.

– У меня есть платье, – оживилась Сашенька.

– Покажи.

Она метнулась в прихожую. Платье было миленькое, сине-ее, с длинным рукавом и юбкой в круговую складку. Оно очень Сашеньке шло. Тетя такая модница, должна его оценить. Сашенька дрожащими руками достала из чемодана платье и торжественно понесла его в гостиную.

– Что это?

Тетка замерла у стола, с удивлением глядя на платье.

– Мое парадное платье.

– Это Шанель, да? Куплено в ЦУМе, в бутике, или в Милане?

– Что вы, те... Лика, – еле выговорила она. – Нет, конечно. На нашем рынке.

– Платье с рынка в Грачах... – тетка вдруг изменилась в лице, потом схватила со стола бутылку вина и выплеснула остатки на Сашенькино платье.

– Тетя! – отчаянно закричала она. – Что вы делаете?!

– Убиваю эту мерзость. Надеюсь, вино не отстирается. Кстати, гордись: на твоём дерьмовом платье настоящее французское вино, которое стоит сто евро за бутылку. Я на тебя уже потратилась.

Сашенька зарыдала, глядя на испорченное платье. Единственное парадное. Или «на выход», как говорила мама.

– Я куплю тебе что-нибудь, – поморщилась тетка. – На свои, потому что твоих хватит только на джинсы с курткой. В чем-то тебе действительно надо ходить на работу.

– Спасибо, – пролепетала Сашенька.

– Это не акт благотворительности. Я должна твоей матери какие-то деньги. Все чеки я сохранию, и потом ты отвезешь их Анне. Пусть подсчитает, сколько я на тебя потратила. Таким образом мы частично закроем наши долги. Что касается долгов моральных... Мы об этом потом поговорим. И не с тобой, – и тетка отправилась в гардеробную переодеваться для ресторана.

Сашенька осталась сидеть в гостиной. По ее щекам рекой текли слезы. Ледяной прием, откровенные насмешки, оскорбления и под конец – испорченное платье. И это родная кровь! Сестра ее матери! Чего же здесь, в этом городе, ждать от чужих людей, если свои так безжалостны? Сашеньке захотелось встать и немедленно уехать обратно в Грачи. Но она вспомнила о банках с соленьями и вареньями. Еле-еле дотащилась сюда с тяжеленными чемоданами. Может, тетя Лида, увидев гостинцы с родины, смягчится?

И Сашенька метнулась в прихожую. Когда тетка опять появилась в гостиной, одетая во что-то струящееся, шелково-гипюровое, с разрезами на длинной, до пола, юбке, Сашенька аккуратно расставляла на кухне банки.

– Что ты делаешь?!

– Это мама прислала. Варенье из черники и маслята. А еще сушеная малина. От простуды хорошо помогает.

– Какие еще маслята?!

Разгневанная тетка уставилась на обернутые газетами и перетянутые поверх них скотчем банки. Газеты Сашенька

еще не все успела оборвать, она как раз и занималась этим, когда на кухне появилась тетка в вечернем туалете. Черно-белые обрывки страниц «Грачевского вестника» превратили сияющие панели стильной кухни в засиженную мухами стойку на раздаче заводской столовки. Холеной рукой в золотых кольцах тетка брезгливо взяла одну из банок:

– У вас это едят?

Сашенька растерялась. Варенье получилось вкусное, мама Аня была отличной хозяйкой.

– Грачевские маслята, – презрительно сказала тетка. – Я помню, как нас, трех сестер, мать выгоняла на «продразверстку». В лес по ягоды и в сосны, за этими самыми маслятами. Пока ведро не наберешь, домой лучше не возвращайся. А там кусачие комары и даже змеи, в этих соснах. А потом, зимой, мы их ели, эти грибы... – она поморщилась. – С картошкой в шинелях или с пюре. Даже с макаронами. Потому что полки в магазинах были пустые, а в Москву за колбасой не наездишься. Ее, эту колбасу, мы резали толстыми ломтями, потом обжаривали их в растительном масле и складывали в морозилку, про запас. Жареная вареная колбаса – деликатес моего детства. Когда приходило время ужина, мать лезла в погреб и накладывала из бочонка в глубокую миску соленые маслята или помидоры... Да меня тошнит от этих воспоминаний! Убери это!

– Куда? – растерялась Сашенька.

– Да куда хочешь! Впрочем, маслята оставь. Все мои дру-

зья – москвичи, и почти все из обеспеченных семей. У них было совсем другое детство, они за колбасой в очередях не давились. Для них маслята деликатес, они продаются либо на рынке за баснословные деньги, либо в магазинах для богатых, именно как деликатес. Так я это и преподнесу: купила на рынке у проверенной бабушки, мастерице мариновать и солить. А вот кому бы сплавить варенье? – задумалась тетка. – В общем, приберись тут, пока меня нет. Я буду поздно, – небрежно сказала она и отправилась в прихожую за шубой.

Сашенька, робко выглянув из кухни-гостиной, смотрела, как тетка надевает сапоги на шпильке. Теперь она уж точно была выше на целую голову! Величественная, в длинной до пола шубе с пушистым пестрым воротником, Сашенька даже затруднялась сказать, что это за мех? В Грачах она ничего подобного не видела. Но шуба была шикарная. И тетка шикарная. Холодно кивнув племяннице «пока», тетка щелкнула замком.

Сашенька осталась одна и почувствовала себя потерянной и несчастной. Она стояла в опустевшем холле, прислушиваясь к шагам на лестничной клетке, словно щенок, которого хозяйка не сочла за труд накормить и выгулять. Никто ее тут не ждал и не собирался ей помогать. Даже чаю попить не предложили с дороги. Да разве так встречают гостей?! В родных-то Грачах сразу накрывают на стол, последние деньги тратят, чтобы гости остались довольны. А тут...

К ее огромному удивлению, в холодильнике оказалось полно продуктов. Многие из них Сашенька не знала, как есть. У них в Грачах *такое* не продавали даже на рынке. Ну, кто, скажите, станет есть крабов, когда в озере полно рыбы? Причем задаром, а не за баснословные деньги. Икра есть у воблы, Сашенькина мама, у которой плохие зубы, сосет ее, как конфеты, и для нее это деликатес. А тут икра в банках! Этих красивых банок много, этикетки лучше не читать, а не то почувствуешь себя невежей.

Она решила взять только яйца с сыром да молоко и быстренько сварганила вкуснейший омлет. Поужинав, почувствовала, что ее сморило. Без тетки Сашенька не решилась помыться, блестящие краны в шикарной, отделанной мозаикой ванной комнате внушали ужас. Не дай бог чего-нибудь сломать по незнанию!

Постельного белья ей не дали, поэтому Сашенька приткнулась на диванчике в зеркальной комнате, накрывшись своей зимней курткой. Несчастной девушке было так плохо, что она охотно поревела бы, если бы так не боялась запачкать светлый диван. Или привлечь внимание соседей. Кто знает, какие люди живут за стенкой?

Поэтому Сашенька плакала беззвучно и без слез. Она проклинала этот огромный, безжалостный мир, который, оказывается, похож на матрешку. Ты живешь в самой маленькой и вполне себе счастлив. И вдруг она открывается, и ты оказываешься в другой, большой матрешке. И в ней тебе уже

неуютно, тамошние обитатели смотрят на тебя свысока, вещи пугают нулями на ценниках, в то время как твои собственные ценности обнуляются, еда имеет незнакомый вкус, и даже время течет по-другому.

И бежать бы отсюда побыстрее, ноги уносить и голову, пока цела, если бы не любопытство. Вопрос первый: откуда у людей такие деньги? Вопрос второй: почему эти люди находятся на вершине пирамиды и именно они всем и всеми управляют? В чем их секрет? Вопрос третий: почему все стремятся сюда, если здесь так страшно и так плохо? И, наконец, вопрос четвертый: могу ли я сюда вписаться? В эту систему ценностей и так же всем управлять? Фирмами, заводами, банками, финансовыми потоками, законами, другими людьми. Или это под силу только избранным?

А кто и как их выбирает?

III

Лидия Павловна ехала в ресторан на встречу с клиентами. Такие дела Бестужева предпочитала проворачивать лично. В ее агентстве недвижимости сотрудники надолго не задерживались, работа была адская, а стабильный доход не гарантирован.

Как только закончился кризис, люди кинулись скупать квадратные метры. Вложенные в них деньги приносили такие проценты, до которых любому банку было далеко. И ма-

клерам приходилось вкалывать чуть ли не круглосуточно, отвечая на лавину звонков.

Бестужева и сама так начинала. В Москву она приехала, чтобы стать актрисой, но в первом же театральном вузе потерялась, хотя была не робкого десятка. Да, она блистала на подмостках грачевского ДК, но корочек, подтверждающих квалификацию, у Лиды Горбатовой не имелось. Ведь Грачевский театр был народным, любительским. Туда брали всех подряд, а Лида получала главные роли за броскую красоту и потому что была любимицей главрежа. В столице же на нее, приезжую, смотрели свысока. Лида Горбатова понимала, что не так одета, по провинциальному зажата, да и с такой фамилией в актрисы лучше не соваться. Лешка появился на ее горизонте лишь через полгода, когда она обосновалась на новом месте. Он все предпочитал делать чужими руками, причем женскими.

В середине того знаменательного лета провинциалка Лида, не будучи глупышкой, не стала подавать документы в театральный институт, дабы не терять попусту времени, а со своим дипломом кулинарного училища отправилась искать работу. Лиде, можно сказать, повезло. У сестры Марьи оказалась в Грачах хорошая знакомая, чьи родственники зацепились за Москву. Правда, на месте выяснилось, что не за Москву, а за ближайшее Подмосковье. Но зато они помогли землячке устроиться на работу в столовую в поселке Голубое, при тамошнем санатории.

Там же, в Голубом, Лиде удалось очень недорого снять комнату. Москва теперь была рукой подать, всего в часе езды. Пробок тогда еще не было.

Освоившись, она энергично принялась искать другую работу, уже в самой Москве, и после года безуспешных поисков и различных интриг нашла-таки ее. Кассиром, а потом и продавцом в столичной булочной. Место хлебное, на дефиците. Дорога Лиду не пугала, она была безумно счастлива, что теперь уже может попробовать эту Москву на зуб, пощупать ее рукой. Надо было только развестись с никчемным мужем и купить фиктивный брак с москвичом.

Дьявол бы ее побрал, эту перестройку! Так, глядишь, Лидия доросла бы и до заведующей. Немного ей оставалось. Но перестройка убила все. Расстроила все планы, похоронила самые радужные надежды. Началось черт-те что. Булочная сначала закрылась, потом ее купил какой-то бандит. Тогда всем заправляли бандиты. Хозяин сразу полез под юбку красивой булочнице. Лидия была далеко не монашка, но хозяин очень уж много пил и имел чудовищные аппетиты, не имея больших связей. Лидия быстро поняла, что он долго не проживет и ее собственная жизнь может оборваться преждевременно и трагически просто за компанию. Пришлось уйти, нет, сбежать. Хорошо, что ее не искали. Женщины были дешевы, а Лидии как-никак перевалило за тридцать. Хозяин быстро утешился с молоденькой кассиршей, а потом его и в самом деле убили. Булочную прибрали к рукам конкуренты.

Лидия еле-еле пристроилась поваром в частную фирму по продаже оргтехники, и с год готовила на двадцать человек, кое-как навариваясь на закупке продуктов. Пока не поняла, что это тупик. Повар на маленькой фирме – это не карьера. Да и фирма того и гляди развалится.

Работы не было никакой, страну и Москву колбасило. Хорошо, что Лидия успела решить квартирный вопрос. Вступив в кооператив, она быстренько развелась. Бывший супруг имущественных претензий предъявить не смог, вот уже лет пять, как он находился в алкогольной коме. Да и законы начали свою роковую пляску Витта, все, что когда-то было государственным, уплывало ушлым предпринимателям, а незадачливые собственники лишались последнего. Прав был тот, кто первым добежал. Лидия Бестужева добежала, только это был далеко не финиш. Не имея дохода, можно было остаться без квартиры. Чтобы выжить в Москве, нужны деньги, а где их взять? Не на панель же идти? Старовата она для таких игр. Да и чувство собственного достоинства на полку в сауне не положишь. Клиенты в таких местах очень не любят гордых и вымещают на них зло за собственные неудачи.

В итоге долгих и безуспешных поисков работы судьба и занесла Лидию в риэлторы.

В девяносто первом разрешили приватизацию, и сразу после этого началось чудовищное разграбление рынка жилья. Лидия попала в самую заваруху, сначала хотела сбежать, но

потом осталась. Деваться-то было некуда. Не с голоду же умирать. Мужчины для нее быстро находились, но такие же, как Лешка. Никто не хотел решать ее проблемы, все ждали, что впряжется она. Ее сила стала ее же уязвимым местом в поисках женского счастья. Это очаровательных малышей берут под крылышко, а Лидия была высокой, крупной женщиной, порою слишком резкой, потому что побывала в передрягах да так и замерла в боксерской стойке, подняв кулаки. Ею интересовался определенный тип мужчин, те, которые ищут «мамочек».

Поняв, что удачное замужество не ее стезя, Лидия принялась энергично делать карьеру.

Москва ломала ее, как безжалостный палач ломает в застенках заподозренных в государственной измене. В ход шли жесточайшие пытки. Лидии Бестужевой, образно выражаясь, вырвали язык, чтобы молчала, безобразно вытянули шею, чтобы на ней уместился не один хомут, а сколько будет угодно хозяину, произвели резекцию желудка, дабы поменьше тратилась на продукты, хорошенько поработали с печеню, потому что пить надо было много. Кто не пьет, тот не вызывает доверия.

Под конец ей «вырвали сердце». Чтобы такие чувства, как жалость, совесть и сострадание Лидию больше никогда не беспокоили. У черных риэлторов всех этих чувств нет. Вообще никаких, кроме жажды наживы и инстинктивного желания жить. Потому что у них тоже конкуренция. А поскольку

ку к цели своей они идут по трупам, то количество уже не имеет значения.

Лидия в маклерах удержалась и даже сумела остаться на свободе. У нее было чутье, она вовремя меняла агентство, едва только заподозрив неладное. Уходила к конкурентам, безошибочно ставя на сильного. Ей пришлось побывать и подследственной, и свидетельницей, и даже провести недельку в СИЗО.

После того, как с ней все это случилось, ей уже ничего не мешало открыть собственное агентство недвижимости. Клиентуру она набила, сарафанное радио работало, Лидию передавали из рук в руки, как эстафетную палочку. У Бестужевой был свой нотариус, свой адвокат по жилищному праву, своя «крыша» и своя девочка в Регистрационной палате. Все – на зарплате.

Своим сотрудникам Лидия Павловна не доверяла. Все только и смотрят по сторонам, где лучше, и все воруют. Текучка Бестужеву не пугала, она сажала новобранцев на телефон, обновлять базу, гоняла их за справками по ЖЭКом и БТИ, отправляла показывать малоперспективные квартиры. И, упаси боже, не открывала им главный источник своих доходов. Не раскрывала криминальных схем, без которых бизнес в развалившемся СССР сделать было невозможно. Есть белый рынок, для кассы и для отчета. Но главные деньги делаются в тени и туда же уходят, в глубокую тень. Кто этого не понимает и не принимает, быстро пойдет по миру.

Со своей совестью Лидия Павловна давно уже договори-
лась. Кого я кидаю? Кого надуваю? Честных людей? У чест-
ных людей таких денег нет, квартиры сейчас покупать. Они
сами лукавят, когда идут на сделку. Ой, последнее отдаю! На
самом деле далеко не последнее. И наверняка ворованное.

Она тщательно отбирала потенциальную жертву. В основ-
ном это были зажиточные провинциалы, которые последнее
время так и рвались в златоглавую Москву. Кризис миновал,
кто не утонул, тот выплыл, изумленно обзирая раскинувши-
еся просторы. Давай! Хапай! Бери больше! Все можно! Обо-
гащайся! Мешки, набитые деньгами из Сибири или с Даль-
него Востока, с золотых приисков, с нефтяных и газовых ме-
сторождений, с рыбных промыслов и из щедрых южных жит-
ниц-здравниц караванами потянулись в столицу скупать все,
что продается.

Эти, сегодняшние, приехали издалека. Супружеская пара,
брак оформлен недавно. Надо было ненавязчиво, за ужином
в ресторане раскрутить их на подробности. За годы своего
риэлторства Лидия Павловна стала отличным психологом.
Нет, никакому агенту или маклеру это доверить нельзя. Тон-
кую психологическую обработку. Сбор информации, прежде
чем убедиться в своей безнаказанности, когда начнутся су-
ды.

Ресторан она выбрала дорогой, в бывшем дворянском
особняке. Люстра размером с кухню в какой-нибудь малога-
баритной квартирке, неохватные мраморные колонны, двор-

цовая роспись на стенах и потолках, лепнина и позолота. Эти разбухшие от ворованных денег провинциальные царьки обожают пафос. И громкие названия. Брэнды. Премьера в Большом, бутик в Пассаже, ресторан на Арбате или на Кузнецком. Устрицы из Лозанны, вино из подвалов Бордо, мраморные стойки из Австралии. Спаржа и артишоки. Трюфеля и фуагра. Филе миньон под соусом из белых грибов. Там, откуда приехали *эти*, полно всякой рыбы. Значит, будем кормить их мясом!

Лидии Павловне тем было проще, что эти двое сразу настроились на то, что москвичи их будут «обувать». Встали в позу «мы не какие-нибудь лохи, сами кого хочешь кинем». Тем вернее проходил коронный номер Лидии Павловны. С этими двоими она намеревалась проверить именно свою коронку.

Лида Горбатова из Грачей прожила непростую жизнь и знала на собственном опыте, что для большинства ее потенциальных покупателей характерно стереотипное мышление. Это были малообразованные люди, скоропалительно разбогатевшие в переломную эпоху. Они не понимали, что им просто повезло, причем не факт, что надолго, не убили в девяностые еще не значит, что не отберут награбленное в нулевые, все свои заслуги эти нувориши приписывали только себе. О том, что происходит в Москве, они знали больше самих москвичей и, кстати, обожали их поддевать и поучать:

– Ты когда на Красной Площади-то в последний раз была?

Когда в пионеры принимали? А еще москвичка!

Или:

– Тверская у вас перекрыта, там ремонт.

– А вашу Москву на днях затопило.

Вот и эти, сегодняшние, сидели перед ней и умничали:

– Да это разве устрицы? Дурят вас здесь, в Москве. Они уже протухнуть успели, пока доехали. Я уж не говорю о размере!

Хотя устрицы заказали они, а не Лидия. Вот странность: притом, что там, откуда они приехали, рыбы было полно, гости столицы заказали именно рыбу. И устрицы. Оказывается, чтобы сравнить и уесть москвичку. Лидия поняла, что таким образом ей демонстрируют, что развести не удастся. Перед ней сидели «тертые калачи». Она уже навела кое-какие справки. «Крутой мужик» бросил у себя на родине жену с двумя детьми и, подцепив в дорогом кабаке молоденькую певичку, скоренько оформил для надежности брак с ней и повез раскручивать в столицу. Но для начала сорокалетнему молодожену надо было обзавестись для своей «звезды» достойной жилплощадью.

«Москва без вас ничего не потеряет», – думала Лидия, глядя, как будущая звезда шоу-биза брезгливо ковыряется вилкой в крабовом салате. У девицы была примечательная внешность: при маленьком росте длинные узкие ступни размера этак тридцать девятого и такие же чрезмерно длинные, узкие кисти рук, да еще и с длиннющими блестящими ног-

тями. Голова тоже была непропорционально большая, хотя черты лица красивые, правильные. Певичка напоминала Лидии то ли летучую мышь, то ли обезьянку, когда начинала вот так, как сейчас, гримасничать. Это вы мне че подсунули?

Для начала стажер, а потом и маклер из агентства повезли покупателей на просмотр нормальных, чистых квартир. С ними все было в полном порядке, кроме того, что квартиры эти находились не в престижных районах. Не на Тверской и не на «Золотой миле». Нормальные спальные районы, вполне достойные. Но эти ведь приехали звездить!

– Не, это нам не подходит, – «бычил» мужик. Лидия сразу заподозрила в нем бывшего бандита, который собирается легализовать в Москве награбленное.

На нем был пиджак того особого покроя, который Бестужева мысленно окрестила бандитским. Сей шедевр портновского искусства зрительно увеличивает то, что и без того большое, например, плечи, а то, что и так маленькое, такое, как интеллект, окончательно добивается цветом. На клиенте Лидии Павловны пиджак был канареечный. Его жена с ног до головы была в «Дольче Габбано», следовательно, сияла, как новогодняя елка.

– А что вас конкретно не устраивает? – участливо спросила Бестужева.

– Район, – скривилась певичка.

– Но в центре жилье дорогое. И его никто не продает. Все просто помешались на престиже. Один только адрес стоит

немалых денег.

– А может, договоримся? – подмигнул ей клиент. – Че я не знаю, как такие дела делаются?

– Если я вас правильно поняла, вы намекаете на возможность использования криминальных схем?

– Не можешь купить – отбери. В джунглях выживает сильнейший, – и он расправил плечищи канареечного цвета.

– Что вы со мной делаете, Василий, – притворно вздохнула Бестужева. – Ведь это значит обидеть слабого. Обмануть, обделить. Вы готовы на это?

– А чем я, по-твоему, всю жизнь занимался? – взгляд у него сделался жестким. Острые, как гвозди, зрачки буквально прибили Лидию Павловну к спинке кресла.

– Так и быть: ради вас пойду на сделку с совестью.

– Не ради меня. Ради денег.

– Вы, должно быть в курсе, что есть белые схемы, а есть черные.

– Не вчера на свет родился.

– Есть так называемая группа риска: наркоманы, пьяницы, одинокие старики...

– Только не подсовывай мне договор ренты, – поморщился клиент. – Не прокатит. Я в курсе, что его можно отозвать.

– Я вижу, что вы подготовились. Это похвально.

– Не только подготовился, но и приехал со своим адвокатом. Бумаги сначала будет читать он. Проверять чистоту сделки.

– Да ради бога!

– Я хочу на Кутузовском, Вася... – заныла девица.

– Помолчи.

Итак, заветное слово было сказано. Лидия сочла это добрым знаком. Обычно она своих клиентов к этому адресу аккуратно подводила. А тут они сами напросились.

– Есть у меня один старичок, – вкрадчиво сказала она. – От сердца отрываю. Только для вас, потому что вы мне приглянулись. Учтите: эта информация дорого стоит. У меня в Пенсионном фонде человек на зарплате. Одиноких стариков давно уже расхватили, это ведь золотая жила. Пенсионеру хорошо за семьдесят, плохо видит, плохо слышит, доверчивый как ребенок. Да вы сами все увидите. Зато у него на Кутузовском прекрасная двухкомнатная квартира.

Она увидела, как клиент сделал стойку. Но взгляд у него все еще был недоверчивый.

– Одинокий старик на Кутузовском, – хмыкнул он. – Наверняка у него наследники есть.

– Квартира чистая, приватизированная. Все справки ваш адвокат может получить в ЖЭКе. Старик никогда не был женат, детей у него нет, да и сам он на ладан дышит.

– Ты мне его добить предлагаешь? – оскалился клиент.

– Это я к тому, что три года он вряд ли протянет. Сделку оспаривать будет некому. В общем, решайте. Квартиру можно купить задешево, старик в этом ничего не смыслит. Его надо только как следует обработать. Уговорить, уломать, У

него есть дачка под Москвой, туда он и съедет после заключения сделки. Это тоже можно проверить.

– Вася, хочу, – заскулила девица. – Хочу жить на Кутузовском...

Клиент призадумался. Потом сказал:

– Ладно, давай своего старикана. Так и быть, взгляну на него. Но предупреждаю: я еще ничего не решил.

И он полез в карман своего канареечного пиджака за портмоне. Расплатившись, опять уставился на Лидию тяжелым взглядом, заколачивая в нее гвозди-зрочки:

– Учти: кинуть меня не получится. С продавцом я буду встречаться не только в твоём присутствии, но и наедине. Поглядим, что за фрукт. Я всю его подноготную узнаю, всех родственников вплоть до седьмого колена. Знаю я вас, москвичей. Потому подготовился.

– Я рискую не меньше вашего, – вздохнула Лидия. – И то потому, что рассчитываю на щедрое вознаграждение.

– О твоих комиссионных мы поговорим, когда составим договор. Не бойсь, не обижу. – И, довольный собой, клиент откинулся на спинку кресла в стиле ампир, вынув, наконец, стальные гвозди своих убийственных зрочков из Лидино лица.

Но с нею и не такое проделывали. «Напугал», – мысленно улыбнулась она и встала. Супруги тоже поднялись, Василий небрежно швырнул на стол скомканную салфетку:

– Говно ваш ресторан. Готовить не умеют, а деньги дерут.

Вообще, жрачка в Москве говно. И баб в шубах мало. У нас даже у самой занюханной уборщицы есть норковая шуба. А у здешних баб денег, что ли, нет? Тоже мне, столица!

«У них просто есть вкус», – хотелось сказать Лидии, но она, разумеется, промолчала. Сама она была в длинной норковой шубе с воротником из рыси. Знала, куда едет и с кем встречается. Если машина, то «Крузак», если хата, то с видом на Кремль, если шуба, то в пол. Ночной клуб – самый крутой, бриллианты размером с орех, а пиджак, разумеется, канареечный. Ей стало смешно. Какой забавный провинциальный царек. Да уж, напугал.

Когда клиент с молодой женой уселся в свой огромный черный джип и отчалил в гостиницу «Россия», Лидия Павловна достала из сумочки сотовый. Надо было сделать пару звонков. Первый – продавцу. Трубку долго не брали, и Лидия уже начала волноваться. Она знала, что у старика бессонница и ему можно звонить допоздна. Телевизор, что ли, смотрит? Наконец, старик ответил:

– Алле. Кто это? Алле.

– Добрый вечер Федор Самсонович. Как ваше драгоценное здоровье?

– Здоров, хвала ангелу-хранителю. Лидуша, ты?

– Я, кто же еще. Федор Самсонович, я к вам на днях покупателя привезу.

Старик сразу оживился.

– Славно, Лидуша, славно. А то я уже соскучился. Квар-

тирку-то подготовить?

– Да не стоит суетиться. Пусть все остается как есть. Главное, себя подготовьте. До встречи, Федор Самсонович.

– До встречи, драгоценная ты моя.

«Да уж, драгоценная!» – покачала она головой и набрала второй номер, заветный.

– Юра, привет. Не разбудила?

– Смеешься? Со службы только пришел.

– Я без дела не звоню. Есть клиент на «кутузовскую». Работаем по старой схеме.

– Я понял, – сказал он сдержанно. – Всех предупрежу. Кто он?

Лидия с усмешкой вспомнила клиента в канареечном пиджаке:

– Провинциал, по виду бандит. Много понтов, мало мозгов. Со своим адвокатом. Жена – певичка из тамошнего кабака.

– Красивая?

– Бабник ты, Юра, – ласково сказала она. – Женщины тебя и погубят.

Он рассмеялся:

– Ты-то не погубила. Напротив, озолотила.

– Я не женщина, я риэлтор.

– А жаль. Ладно, на связи.

И он дал отбой.

«С этим тоже надо что-то делать, – невольно вздохнула

она. – С его любвеобильностью».

Это была ее «крыша», и Лидия ею особенно дорожила. Она посмотрела на часы и подумала, что племянница, должно быть, уже спит. Проблем накопилось много, и все их надо было решать. Но Бестужева привыкла к такому графику. Это Москва, не Грачи. Здесь постоянно надо быть в тонусе, потому что никогда не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. Терять не хочется, а найти желательно клад, да чтобы золото в нем никогда не кончалось. Этаким бездонный сундук, который открывается по первому твоему требованию и где лежат виллы, яхты, приглашения на гламурные пати, ювелирные украшения от Тиффани и Картье, хорошо бы, и вечная молодость там лежала, но это вопрос больше к пластическим хирургам. Который Лидия еще не задавала. А пора.

Она опять со вздохом вспомнила племянницу. Теперь уже зависти. Глупышка. Ей двадцать лет, и она не знает цену ни этому, ни чему-либо вообще. Так и разбазарит свое сокровище, а самое ценное вручит какому-нибудь подлецу, и будет потом лить слезы, как сестра Марья. Хотя нет. Марья не плачет. Она негибаемая. Молча ждет своего часа.

Мне отмщение...

«Ты скоро уберешься отсюда обратно в свои Грачи», – зло подумала Бестужева о Сашеньке и решительно зашагала к подъехавшему такси.

IV

– Вот здесь ты будешь жить. Осматривайся. Обживайся. Вот ключи.

Сашенька сжала в потной от страха руке ключи и с тоской посмотрела на выцветшие обои. Мебель убитая, диван вот-вот развалится, шкаф весь в царапинах и сколах, раковина на кухне ржавая, а в санузел страшно даже зайти. Разумеется, он был совместный, потому что сама квартирка крохотная. До Москвы – час езды на пригородной электричке.

– Не час, а пятьдесят пять минут, если со всеми остановками. А если нет, то и меньше, – наставляла тетка. – Учись мерить все по-московски. Время, расстояние, проблемы. Дорога – это не проблема, когда есть работа. И вообще, тебе повезло. Я гораздо хуже начинала.

Она подошла к окну. Сашенька видела в мутном стекле над теткиной головой ажурные конструкции подъемных кранов, все они были в непрерывном движении. В квартире стоял несмолкающий гул: через дорогу строился целый микрорайон. Да еще и под окном была автобусная остановка.

– Привыкнешь, – равнодушно сказала тетка. – Ты будешь приходить домой часов в девять-десять и с ног валиться от усталости. И будешь спать так крепко, что не услышишь, даже если под твоим окном взорвется бомба. Точно так же тебе будет все равно, какие здесь обои. Первые пять лет выкинь

из жизни, если хочешь зацепиться за Москву. Работа, работа и еще раз работа.

– А где я буду работать? – робко спросила Сашенька.

– Я нашла тебе местечко секретаря в компьютерной фирме.

– В компьютерной фирме?! – она пришла в отчаяние. – Но я же гуманитарий! Я ничего не смыслю в компьютерах! Я даже не знаю, как они включаются!

– Привыкнешь, – равнодушно повторила тетка.

Разумеется, она знала, что племяннице при ее бедности негде было разжиться компьютером. И в Грачах они есть пока лишь у избранных. Сашенька ничего не может смыслить ни в компьютерных программах, ни в устройстве самих компьютеров, не может отвечать на вопросы о них, следовательно, провалит все звонки. Лидия Павловна намеренно устроила племянницу в эту фирму. Это была та самая фирма, где Бестужева когда-то с год работала поваром. Они выжили и стали наряду с оргтехникой торговать компьютерами, благо на них начался настоящий бум. И даже поднялись. Теперь фирму «РИТМ»¹ вполне можно было назвать не маленькой, а средней.

Шансы племянницы удержаться на такой работе были невелики. Лидия Павловна предупредила старшего менеджера, чтобы с Адуевой не миндальничали. Никаких поблажек, напротив: по всей строгости закона. Со штрафами и со

¹ Название вымышлено и все совпадения случайны.

всеми рабочими субботами, как положено новенькой.

– Пусть привыкает к Москве, – со змеиной улыбкой сказала она.

Менеджер кивнул:

– Понятно.

Так что Сашенькины дни в столице были практически сочтены. Лидия Павловна с удовольствием думала о том, что и племянница уберется восвояси, и Марья не сможет предъявить претензий.

– Но те... Лика, – Сашенька наконец-то выговорила это «Лика». – Я думала, что буду работать у вас.

– У меня это где? – с удивлением посмотрела на нее тетка.

– В вашем агентстве недвижимости.

Лидия Павловна расхохоталась. Она живо представила себе Сашеньку маклером. Как на духу обо всем.

– А вид из окна куда?

– На помойку. – Хотя мусорные контейнеры сбоку, а прямо по курсу очень даже симпатичный сквер.

Или:

– А вы уверены, что в квартире до приватизации не были прописаны несовершеннолетние?

– Ой, я сейчас посмотрю... В документах об этом ничего нет...

Разумеется, нет! Иначе квартиру не продашь. А так у покупателей есть шанс занести судье, если эти несовершеннолетние вдруг объявятся, и отсудить спорную собственность.

А могут и не объявиться. Вторичка – это русская рулетка. Особенно квартиры, доставшиеся по наследству или по дарственной, которую можно при желании отозвать. А уж эти несовершеннолетние просто беда! Опекунские советы зверствуют, и уж, конечно, не бескорыстно они так заботятся об интересах своих подопечных. Даже права внебрачных детей учитываются, если отец записан в свидетельстве о рождении. В любом законе есть лазейка, практически любой договор можно оспорить. И вот племянница, как на духу, выкладывает всю подноготную! В то время как надо лукавить:

– Не беспокойтесь, у нас работают квалифицированные специалисты. Мы все как следует проверим и выдадим вам страховое свидетельство.

Немногие знают, что агентство недвижимости не уполномочено выдавать никаких страховых свидетельств. Главное, побольше красивых бумаг и печатей в них. А там как повезет. Повезло же в свое время Лидии Павловне, и она получила за смешные деньги сказочную квартиру в сталинке.

– Нет, милая, у меня ты работать не будешь, – сказала она, перестав смеяться. – У тебя нет... опыта. И образование не соответствует, – сказала она, хотя в маклеры брали всех подряд. Сама Лидия Павловна стала риэлтором с корочками кулинарного училища и только потом закончила институт. – Ну, все, я поехала. Да, вот тебе адрес, – и она сунула племяннице визитку. – Приедешь туда к девяти и скажешь, что от меня. Они в курсе.

– А как туда ехать? – с ужасом спросила Сашенька, вертя в руках визитку.

– На метро, милая.

– А как же электричка?

– Сначала на электричке, потом на метро, – начала раздражаться тетка. – Господи, какая же ты тупая!

– Я думала, вы в первый раз меня туда отвезете.

– А дальше что? Стать тебе нянькой? У меня дел по горло, на подходе важная сделка. В ближайшее время я буду страшно занята.

Это была чистая правда. Клиент все-таки клюнул. Позвонил сегодня с утра, сказал, что готов посмотреть квартиру. По тому, как от жадности дрожал его голос, Лидия Павловна поняла, что мужику не терпится. Видать, адвокат объяснил ему, какой лакомый кусок одинокий старик с квартирой на Кутузовском. Наполовину глухой и слепой. А еще доверчивый как ребенок. Лидию Павловну ждали нелегкие две недели, а потом настоящая битва, когда клиент поймет, как жестоко его кинули. И при этом надо остаться чистенькой и желательно тоже жертвой.

Все это Бестужевой предстояло проделать в ближайшем будущем, и ей в самом деле было не до племянницы.

– Магазин через дорогу, – сказала она, надевая дубленку. Модную, укороченную, специально для езды в машине. – Деньги у тебя на первое время есть. Да, обменник на станции. Курс там выгодный, можешь смело менять свои долла-

ры. И мне, будь добра, двести пятьдесят за первый месяц.

Сашенька даже не спросила, почему не хозяйке, молча полезла в сумочку. Эта квартира на самом деле принадлежала агентству, но Лидия Павловна не собиралась баловать племянницу. За съемное жилье положено платить.

– Я беру на себя часть твоих проблем, – наставительно сказала она. – С жильем, с работой. Тебе сказочно повезло, помни об этом.

С этими словами она закрыла за собой дверь, и Сашенька осталась одна в чужой квартире, с пустым холодильником и заданием завтра к девяти утра приехать по такому-то адресу. Она начала лихорадочно метаться по квартире и хвататься то за тряпку, то за веник, потом опомнилась и села на продавленный диван, размазывая по лицу слезы. Сотового у нее не было, удовольствие слишком уж дорогое, но на кухне, о счастье, стоял телефон. И Сашенька кинулась к нему.

Трубку взяла тетка Марья.

– Чего реवेशь? – сурово спросила она.

– Я в чужой квартире, тетя Лида уехала, – захлебывалась слезами Сашенька. – Я не знаю, что делать. Мне надо завтра с утра приехать в какую-то фирму, тетя сказала, что я там буду работать...

– Ну и чего ты реवेशь? – теперь уже с удивлением спросила тетка Марья. – Езжай, куда сказано.

– Но я не знаю как!

– А язык на что? Найди на станции киоскершу подобнее.

Выжди, когда народ разъедется. Подойди и спроси: как доехать туда-то? Нет, сначала купи у нее газету. А лучше что подороже, книжку, например. Запомни: сначала сделай человеку приятное, а потом спрашивай. И не забудь сказать «удачи вам» или «здоровья вам и вашим близким». Если старушка, то обязательно Господа упомяни. Мол, Господь не забудет вашу доброту. Или: Бог все видит и он вас не забудет. А если парень молодой, ты ему глазки сострой. Растерялась, мол, город у вас очень уж большой. Не поможете девушке сориентироваться? Только смотри: на свидания не ходи.

– На какие свидания?

– Куда тебя звать будут. Ты цыпленок еще, а вокруг коршуны. Но и не отказывайся, когда позовут. Конечно, приеду, жди.

– Но ты же сказала: не ходи.

– Ты и не ходи. Врать надо, Сашка, приспособливаться. Если с тебя нечего поиметь, так на кой тебе помогать? Мужикам известно, что надо. Ты глазами-то обещай, а про сердце забудь, что оно есть. Бери пример с Лидки. Погоди, мать к телефону рвется...

– Саша! Как ты там?! Ты покушала?!

– Мама, я...

– Одевайся теплее! Теплее, слышишь?! – мама кричала так, будто они стояли на разных берегах реки, а не у телефонных аппаратов в разных городах. Слышимость была отличная, но мама Аня с детства привыкла: межгород, значит,

надо кричать. – Шапку не забудь! Лиде понравились наши гостинцы?!

– Да. Понравились.

– Она щи варить не умеет! Ты ей помогай на кухне-то?!
Слышишь?!

– Я слышу, мама.

– Пол подмети, бельишко постирай. Ты у меня не лентяйка.

– Я все сделаю, мама, – сказала она с грустью.

Как ни странно, матери врать было легко. Зачем ее расстраивать? Это ведь не ложь, а лукавство. Сашенька сама положила трубку. Все, что говорила ей мама, было совершенно бесполезно. Пустая трата времени, а Сашенька уже начала его ценить. Солнце клонилось к закату, а в холодильнике все еще было пусто, в квартире грязно, и как завтра ехать на работу, непонятно.

Эту ночь она почти не спала. За окном грохотала стройка. С уханьем забивались сваи, гудели подъемные краны, матерились рабочие. Москва не спала вообще. Дороже всего в ней было жилье, поэтому оно строилось беспрерывно. И днем, и ночью, и в будни, и в праздники, и в хорошую погоду, и когда лил дождь или мела метель. Это никого не интересовало: погодные условия и комфорт соседей. Москва культивировала эгоизм, здесь можно было выжить, только замкнувшись в себе. Чем меньше будешь обращать внимание на всякого рода раздражители, тем больше у тебя шансов решить

свои проблемы. Просто надо на них сосредоточиться, а на все остальное, в том числе и на шум за окном, наплевать.

Сашеньке хотелось плакать, но она терпела. Она подозревала, что таким образом ей просто слез не хватит. Если оплакивать каждый с грохотом проехавший за окном грузовик. Или просроченный йогурт, который ей всучили в магазине. По сравнению с работой в компьютерной фирме, когда она, Сашенька Адуева, ровным счетом ничего не знает о компьютерах, это были такие пустяки, что слезы следовало приберечь. Наревется еще. Тетка Марья сейчас на порог не пустит. Сказала – год терпи.

«Целый год! – в отчаянии думала Сашенька, ворочаясь с боку на бок. – Да я умру тут от голода и тоски. Хотя от голода умереть трудно, полки в магазинах ломятся от продуктов. Но чтобы их купить, нужны деньги. А деньги приносит работа. Я должна вытерпеть... Я должна вытерпеть... Вытерпеть...»

...Она стояла у дверей, не решаясь войти. В ушах гудело после поездки в переполненном метро, сердце бешено стучало, оказалось, что офис указанной в визитке фирмы находится в двух автобусных остановках. Автобус долго не приходил, и, чтобы не опоздать в свой первый рабочий день, Сашенька пошла пешком, точнее побежала. И вот теперь она стояла у дверей, потерянная и несчастная, и единственное, чего ей сейчас хотелось, это закрыть глаза, чтобы все это было лишь кошмарным сном, и проснуться уже в Грачах, и чтобы мама добрым голосом позвала завтракать.

Потому что первой, кого она встретила на новой работе, была неприветливая тетка со шваброй, которая рявкнула:

– Закрыто еще! К десяти приходи.

– Я на работу устраиваться, – сглотнула Сашенька. – Меня тетя прислала.

– Какая еще тетя?

– Тетя Лида.

– У нас такой нет, – равнодушно сказала уборщица и демонстративно мазнула шваброй по Сашенькиным ногам: не видишь, что ли, люди работают?

– Девушка, мы еще закрыты, – сказал на бегу лохматый парень в джинсах и потрепанной куртке. Сашенька попыталась протиснуться вслед за ним в дверь. Парень обернулся, глянул на нее повнимательнее и сразу стал добрее. – Ух ты, какой симпомпончик! Тебе компьютер нужен? Заходи! Я сам тобой займусь.

– Нет, я на работу устраиваться.

– На работу? – парень посмотрел на нее с удивлением. – По объявлению, что ли?

– Нет, от тети.

– И как зовут тетю?

– Лида. Лидия Павловна.

– Ах, от поварихи! Странно... Ну, все равно, заходи.

Он щелкнул выключателем и поманил пальцем Сашеньку. Она шагнула вперед и очутилась в огромной светлой комнате, где на длинной стойке, похожей на барную, в ряд стояли

мониторы и множество телефонов. Один звонил.

– Это твое место работы, – улыбнулся парень. – Да, факс прими. Вот люди! Русским языком написано: работаем с десяти до восьми. Так они и ночью трезвонят! И факсы круглосуточно шлют! Ну, что стоишь? Стартуй!

Сашенька рванулась с места. Именно так она понимала слово «стартуй». Факс сердито гудел, мало того, на стойке с мониторами теперь надрывались сразу два телефона.

– Трубку возьми, – на бегу крикнул ей лохматый.

– И что сказать?

– Конфигурацию посчитай. Прайс вчерашний, слева на стойке.

И он нырнул в какую-то дверь. Сашенька робко взяла трубку:

– Алло.

– Это компьютерная фирма? – требовательно спросила трубка женским голосом.

– Да.

– Сколько будет стоить пентиум третий с видеокартой шестьдесят четыре мегабайта, память тоже шестьдесят четыре?

Кроме слова «стоять» Сашенька не поняла ровным счетом ничего.

– Я... я сейчас спрошу, – и она метнулась к гудящему аппарату, который лохматый назвал факсом. Что с ним делать, она также понятия не имела.

В этот момент в зал влетела тощая, как спичка, брюнетка в сапогах на высоченных каблуках и метнулась к стойке. Одной рукой она сняла трубку, другой ткнула в факс и тут же сняла вторую трубку:

– Компьютерная фирма «РИТМ», секретарь Стелла, слушаю вас, – сказала сразу в обе и, обернувшись, бросила факсу: – Я стартую.

Факс загудел, на этот раз довольно, а не сердито, и из него пополз лист бумаги с каким-то текстом.

– Минуточку, я включу компьютер, – сказала Стелла одной из трубок и ткнула пальцем в телефонный аппарат, после чего, выслушав другую трубку, бросила: – Восемьсот двадцать долларов. Не за что. – И тут же второй трубке после тычка в телефон: – Еще не привезли. В базе нет. Позвоните в обед.

Проделав все это, брюнетка скинула куртку, модную, кожаную, отделанную пушистым рыжим мехом, и улыбнулась Сашеньке:

– Извините. Дожили: клиентов в секретари подпрягаем. Руслан, что ли, сообразил?

– Я не клиентка. Я работать.

– Куда? К нам? – удивленно посмотрела на нее брюнетка.

– Да. Секретарем.

– А чего тогда застыла у факса?

– Я не знаю, что это такое.

– О господи!

И она принялась хохотать. Впрочем, смеялась Стелла недолго. Зазвонил телефон, вслед за ним другой, опять загудел факс, и многорукая Стелла кинулась отвечать нетерпеливым клиентам. Больше у нее на Сашеньку времени не было.

Этот день стал для нее настоящим кошмаром. Вокруг что-то беспрерывно звенело, гудело, моргало, потом появились люди, которые все прибывали и прибывали. В торговом зале началось настоящее столпотворение. Лохматый махнул на Сашеньку рукой: «погоди, не до тебя». Брюнетка прошипела: «сгинь, тупица». На Сашеньку беспрерывно орали:

– Не крутись тут! Не мешайся! Что застыла? Трубку сними!

– О господи, да скажи хоть что-нибудь!

– На «холд» повесь!

– Переведи наверх, в оптовый!

– Дай человеку прайс!

– «Винты» справа, в большой картонной коробке. Дуй на склад!

Сашенька металась как угорелая. К обеду она выучила кнопку «холд», то есть «пауза». И теперь всех вешала на паузу, после чего бежала искать Стеллу или Руслана. Остальные ее в упор не замечали и не представились. А просить, обращаясь к человеку «эй, вы», она стеснялась. Хозяин пришел только к вечеру. К нему сразу же подошла Стелла и что-то сердито зашептала на ухо. Сашенька до ушей залилась крас-

кой, поняв, что первый рабочий день она провалила. Сейчас ее выгонят с треском.

– Адуева? – она судорожно кивнула. – Идем со мной, – грустно сказал хозяин.

«Аркадий Андреевич, Аркадий Андреевич, Аркадий Андреевич, – как заведенная повторяла она. – Его зовут Аркадий Андреевич».

Они поднялись наверх, где хозяин прошел... На кухню. Бросил полненькой симпатичной шатенке в клетчатом фартуке:

– Катя, поесть мне дай. Полдня в банке проторчал, кредит оформлял, потом фуру на таможне задержали. Пришлось разбираться. Кругом одни бюрократы и взяточники, – пожаловался он. Катя кивнула и поставила перед ним плетеную корзиночку с хлебом. – Обедала? – хозяин посмотрел на Сашеньку.

– Нет, не успела, Андрей Аркадьевич.

– Вообще-то Аркадий Андреевич, – он посмотрел на нее совсем уж грустно. – Да, тяжелый случай. Хотя Лика меня предупреждала. Ладно, Катя, и этой выдай ее порцайку.

«Эта», втянув голову в плечи, смотрела, как полненькая бухнула картофельное пюре в тарелку и щедро полила его сверху чем-то пахучим, коричневым. Тут только Сашенька поняла, что от голода едва держится на ногах.

– Говорят, ты ничего не умеешь, – сказал хозяин, уминая Катин гуляш. – Совсем ничего. Да ты ешь.

Она с трудом запихнула в себя кусок мяса. Это было странное чувство: от голода живот втянулся под ребра и подташнивало, и в то же время кусок в горло не лез от страха.

– Образование у нас...

– Институт Культуры.

– Вот именно. Факса не знаешь, компьютер в глаза не видела, телефона боишься. Ты чего всех на «холд»-то вешаешь? Так мы без клиентов останемся. Скажи им что-нибудь, заинтересуй.

– Я не знаю, что сказать.

– Например: сейчас схожу на склад и узнаю, есть ли в наличии. Или: у нас новый прайс, его распечатывают. Мозги тебе для чего?

– Я... я не знаю, – она не выдержала и расплакалась.

– Ладно, Аркаша, чего ты, – сказала вдруг полненькая Катя.

Это «Аркаша» Сашеньку сразило. Они тут все свои, работают бок о бок, вот уже много лет. А она... Тупица безмозглая. Овца. Дура набитая. Как ее только сегодня не называли! А чаще всего «уйди, не мешайся».

Вот кто она такая: уйди-не-мешайся. А вовсе не Сашенька Адуева.

– Мордашка-то ничего, симпатичная, – вздохнул Аркадий Андреевич. – И фигурка тоже приятная. Наверх тебя, что ли, перевести, в оптовый? Кофе будешь клиентам подавать. Кофе варить умеешь?

– Да! – оживилась она. – Готовить я умею!

– Понятно, – хмыкнул хозяин. – Ты с кофемашиной в таких же напряженных отношениях, как и с факсом?

Она сразу поникла. Да откуда в Грачах кофемашина?

– Ладно, освоишься, – подобрел вдруг Аркадий Андреевич. – Беру тебя на месяц испытательного срока. С зарплатой двести баксов. Больше ты не стоишь. И вообще: это ты мне должна платить за науку.

– Я согласна! – выпалила Сашенька. У нее еще остались целых семьсот теткиных долларов.

– Чего-о?

– Не видишь: она хорошая девочка, – вмешалась Катя. – Домашняя. Добрая и честная. Не обижай ребенка, Аркаша.

– У Лидки такая племянница! Вот с кем бы я никогда не стал связываться, так это с Бестужевой. Слышь, ты? Институт Культуры? Меня просили сделать из тебя человека. Задача это сложная, можно сказать, невыполнимая. Тут все зависит от тебя. Вольешься в коллектив – тебе простят любые твои промахи. Как вливаться в коллектив, знаешь?

– Аркаша, да она же не пьет, – опять вмешалась Катя.

– А мы что, пьем? – удивился хозяин.

– Да ты не понял. Она совсем не пьет.

– Это правда? – Аркадий Андреевич смотрел на нее уже не с удивлением, а с ужасом.

– Нет! Я шампанское пью по праздникам!

– Значит, начнем с шампанского, – удовлетворенно кив-

нул он. – Запомни: если после такой гонки, когда день пролетает, как пуля у виска, ты не будешь расслабляться, ты очень быстро сдуешься. Мозги иногда надо отключать. А тебя будут грузить каждый день, и так, что к вечеру твоя голова будет распухать от избытка новой информации. Потому что ты не знаешь ни-че-го. Ты ноль, понятно? – Она кивнула. – Все, – Аркадий Андреевич встал. – Первый рабочий день закончен. Дуй домой.

– Но вы же работаете до восьми. А сейчас только семь.

– Не вы, а мы. Это первое, что ты должна запомнить. Второе: главный здесь я. Если я в курсе, всех остальных можешь послать. Третье: на работу не опаздывать, за это штрафуют. Все, до завтра. Я и так на тебя много времени потратил.

– Спасибо, Аркадий Андреевич!

– Запомнила, молодец. Первый рабочий день прошел не зря.

Домой она ехала как в тумане. От усталости и осознания собственной тупости. Но Сашенька еще даже не подозревала, насколько глубока кроличья нора. «Пентиум третий с шестьюдесятью четырьмя мегабайтами оперативной памяти» – это были еще цветочки. Нормальный человеческий язык. Не то что «пень третий шестьдесят четыре мега на борту». Вопросы типа «А “мать” откуда прибыла?» или «А можно я завтра заберу коробку с «клавами» и «мышами»?», «А они у вас пи эс или пи эс пополам?» несчастной Сашеньке еще предстояло услышать.

Вот теперь она заревела. Что такое просроченный йогурт? Сущий пустяк. Или ревущий за окном автобус. Да ерунда. А вот то, что ты ни к чему не пригодная тупица... Или «уйди-не-мешайся».

Поток дневного света
Обрезан об окно...

Она вскочила и кинулась к платяному шкафу, где лежал чемодан. Судорожно начала в нем рыться. Наконец, на свет появилась папка со стихами. Сашенька торопливо стала вынимать из нее листы и рвать их на части. Нет, она не рвала, терзала. Вымещала злость за свою никчемность. Другие учились, осваивали все эти «пни», Интернет, английский язык. А она в это время занималась ерундой. Стишки писала. Книжки читала. Да кому они нужны, эти книжки? Вот компьютеры да, нужны. Вон сколько народу толпится в торговом зале!

Сашенька всхлипнула, вытерла слезы и стала собирать с пола обрывки бумаги. С ерундой покончено. Отныне у нее начинается новая жизнь.

V

Лидия Павловна была настолько занята, что напрочь позабыла о племяннице. А та сама стеснялась звонить. Они не

общались две недели, во время которых Бестужева провернула аферу с «кутузовской» квартирой.

Сразу после того, как Сашенька была пристроена, Лидия Павловна лично отправилась показывать заветную квартиру клиентам. Поехали вчетвером: Василий с супругой и адвокатом и Лидия Павловна. Клиент настоял, чтобы на Кутузовский поехали все вместе, на его «Крузаке».

«Прослушки, что ли, опасается?» – гадала Бестужева, сидя на заднем сиденье, на почтительном расстоянии от нанятого клиентом адвоката. Одеколон у него был ужасный, впрочем, как и галстук. Прилизанные волосы, торчащие уши. Зато амбиций! «Или это демонстрация силы? Ведь я на его территории», – думала Лидия Павловна, глядя на бритый затылок клиента. На этот раз широченные плечи обтягивала косуха со множеством молний. Казалось, она вот-вот лопнет от распирающего ее тела, где гора мышц от сытости и безделья давно уже начала переплавляться в гору жира.

Бестужева намеренно думала о покупателях с неприязнью, выискивая в них недостатки. Так проще. Надо забыть о том, что они *тоже люди*. Это лишь мясо для столичных волков, жуликов и проходимцев. Не она, так другие обглодают лакомый кусок до самых костей. Пока залетные не научатся отличать истинное от ложного. А может, так и не научатся.

Подъезд со львами и широченные лестничные пролеты сразили певичку, что касается Василия, то, войдя в квартиру, он прямо-таки прилип к окну. Два окна, на кухне и в зале,

выходили на Кутузовский проспект. Лидия Павловна и сама порою обмирала от этого величественного зрелища, хотя жить здесь никогда не хотела. Слишком уж шумно, суетно. Эта главная столичная магистраль прямо-таки придавливает, сразу чувствуешь свою ничтожность и краткость бытия.

Прямой, как стрела, широченный Кутузовский презрительно терпел ползущих по нему муравьев, все эти «Лексусы», «Тойоты», «Мерседесы». Он равнодушно взирал на проносящиеся по нему кортежи, величаво нежил опускающиеся на него по ночам московские туманы и недоумевал от жадности жалких людишек, которые затевали огромную стройку, лишь бы жить поблизости. Лишь бы быть причастными к славным страницам московской истории и вписать в свои паспорта знаменитые адреса.

Того же мнения был и Василий: непременно вписать!

Хозяин квартиры жался к стене. Согбенный старичок, лысый, как коленка, в очках с толстенными стеклами, за которыми совсем не видно было его глаз. Слепые белесые стекла, придававшие старику совсем уж жалкий вид. Линялые треники, застиранная фланелевая рубаша и клетчатые тапочки с дырками, из которых торчали большие пальцы ног, дополняли картину. На ум невольно приходило сравнение с дешевой склизкой карамелькой в выцветшем от времени бумажном фантике. Несмотря на зиму, хозяин квартиры разгуливал без носков, ногти у него на ногах были желтые, остриженные почти до мяса, и такие же старчески неприглядные,

как и все его высохшее тело. Топили в квартире, надо сказать, на совесть. Кутузовский!

– Квартирка ничего, – Василий по-хозяйски прошелся по комнатам. – Только ремонта требует, а, папаша?

– Ась? – старик приложил к уху согнутую ладонь.

– Ремонт, говорю, давно здесь не делали.

– Да откуда же деньги, сынок? На пенсию живу. Деток-то нет. Помогать некому.

– Вот и ни к чему тебе такие хоромы, – грубо сказал Василий.

– Ась?

Лидия Павловна молча стояла в дверях, глядя, как старик, шаркая ногами, идет в коридор показывать покупателю санузел и кладовку. Она и так знала здесь каждый сантиметр, в этой квартире. Она уже практически стала ей родной, также как и Федор Самсонович, который ласково называл Бестужеву Лидушей.

Квартира выглядела так, как и должно было выглядеть жилье одинокого старика, живущего на одну пенсию. Лидия Павловна всегда предупреждала, когда привезет покупателей. Проколов быть не должно. Именно у таких, как Федор Самсонович, Василий безнаказанно мог «отжать» все, что ему вздумается. Во всяком случае, он так думал. А ведь у него тоже есть отец, и он тоже старик. Наверняка болен и также незащищен. Или у таких, как Василий, родственные чувства атрофируются?

– Вася, мне нравится, – зашептала певичка. – Только все здесь такое обшарпанное. Ты мне сделаешь джакузи? И гардеробную. А еще я хочу розовый диван в гостиную и пушистый розовый ковер. А еще...

– Помолчи, – поморщился Василий.

Лидия подумала, что слишком уж часто молодожен употребляет это «помолчи», разговаривая со своей половиной. К нему подошел адвокат, и Бестужева напрягла слух.

– Лакомый кусок, повезло тебе, – услышала она. – Старик – маразматик. Наполовину глухой и слепой. Таких надо кидать. И эту... – тут адвокат понизил голос.

Она усмехнулась. А как же обещанные щедрые комиссионные? Нет у людей ни стыда, ни совести.

– Значит, так, – сказал, подойдя к ней Василий. – Сделку оформим сами, без посредников.

– Как это сами? – притворно удивилась Лидия Павловна. – Эту квартиру продает мое агентство!

– Я без Лидуши никак, – очнулся старик. – Все оформление через нее. Она меня не обманет. Я ей верю, как себе.

Клиент поморщился. Комиссионные придется отстегнуть. Прощедил:

– Надо все как следует проверить. Все документы.

– Проверяйте, – пожала плечами Бестужева. Она прекрасно знала, что документы в порядке. Это была первая часть Марлезонского балета, здесь все проходило без проблем. Теперь выход провинциального адвоката, которому надо отра-

батывать гонорар.

– Поставьте в известность ваших сотрудников, что квартира под авансом, – сунулся тот.

– А деньги?

– А если документы не в порядке? Кстати, мы еще не обсудили цену.

– Я готова.

– При чем здесь вы? Цену мы будем обсуждать с продавцом, – адвокат кивнул на съездившегося старика.

– Но...

– Вы ведь посредник, так?

– Да.

– Вот и не лезьте.

– Но мои комиссионные напрямую зависят от суммы сделки!

– Игорь, замажь ее, – велел клиент.

– Давайте с вами договоримся, уважаемая, – адвокат цепко взял ее за локоток.

Они вели себя бесцеремонно, и Лидия Павловна ничуть не пожалела о своем выборе. Сейчас ей будут предлагать деньги за то, чтобы она не мешала покупателю сбивать цену. Обмануть несчастного старика. Глупцы сами лезут в расставленную ловушку.

«Ну, давай же», – мысленно подбодряла она адвоката, делая при этом оскорбленное лицо.

– Нет, что вы! Я не могу! Эта квартира стоит гораздо до-

роже!

– Да на что ему деньги? Он не сегодня-завтра помрет. Давай так: три штуки лично тебе. И ты молчишь.

– Что вы со мной делаете!

– Молчишь и ни во что не лезешь. Договор, так и быть, оформим у твоего нотариуса. У тебя ведь есть нотариус?

– Да, конечно. Договор типовой, я вам его пришлю, – она замерла. Вот это и есть ключевые слова. Неужели согласится?

– Ну, пришли. Я его потом почитаю. Меня больше интересует, кто еще может претендовать на эту квартиру? Внебрачные дети, какие-нибудь родственники.

– Здесь никто никогда не был прописан кроме хозяина, ни до приватизации, ни после. А сразу после подписания договора Федор Самсонович переедет на дачу.

– Да хоть на Луну.

– Ну что, вы закончили? – подошел к ним Василий.

– Да, Вася, все в порядке, – кивнул адвокат.

– Тогда езжайте, а мы с папашей побазарим.

Лидии Павловне стало тревожно за старика. Клиент не подарок. Замашки у него бандитские. Но в прихожей она почувствовала, как Федор Самсонович легонько сжал ее руку: все в порядке, Лидуша. И она ушла. Адвокат провожал ее до такси. Фамильярно спросил:

– А другой такой квартирki у тебя нет? Говорят, у тебя человек в Пенсионном фонде на зарплате.

«Все, что можно было разграбить, давно уже разграбили до вас, – мысленно усмехнулась Бестужева. – Все эти “золотые адреса” выгребли подчистую, еще когда я сама была маклером, а не хозяйкой агентства. Всю группу риска. И только вы, с вашей провинциальной бандитской дремучестью, можете еще верить в такое чудо, как одинокий старик с двушкой на Кутузовском».

Две недели ушло на проверку чистоты сделки. Наконец настал момент подписания договора. Адвокат клиента не нашел в нем подвоха. Согласно договору, деньги продавцу передавались в полном объеме в момент заключения сделки. Это и был тот подводный камень, о который должен был разбиться предприимчивый Василий. Который сбил цену до шестидесяти тысяч долларов. Это был второй подводный камень. Про третий Лидия Павловна думала с особым удовольствием. У нее все получилось.

Федор Самсонович подписал бумаги, получил наличными шестьдесят тысяч условных единиц, о чем и написал расписку под диктовку Василия. Это была вторая часть Марлезонского балета.

Третья должна была начаться на днях, когда покупатели затеют ремонт. А сегодня Бестужева хотела напиться. Ей понадобятся силы, потому что третья часть самая сложная. Лидии Павловне предстоит изображать жертву. А это непросто, потому что Бестужева-то как раз и есть главный бенефициар, тут-то и понадобится актерский талант, которым она блиста-

ла в юности в родных Грачах.

И только сидя в ресторане за бутылкой охлажденного «Шабли» и искусно разделявая канадского лобстера, которого с полчаса назад специально для Лидии Павловны Бес-тужевой выловили из аквариума, она вдруг вспомнила о племяннице.

«Господи! Уже две недели прошло! Она там хоть жива? Голодная, небось, несчастная. А я тут лобстера употребляю. А может, она уже убралась обратно в свои Грачи?» – и Лидия Павловна достала из сумочки сотовый. Домашний телефон в квартире, которую снимала племянница, не отвечал...

...Сашенька и в самом деле была несчастная, но не голодная. Повариха Катя каждый день кормила Сашеньку сытным обедом, а после окончания рабочего дня всегда предлагала попить кофейку с бутербродами. Потому и не отвечал Сашенькин домашний телефон. С работы она теперь приезжала дай бог часов в десять. И тут же засыпала без задних ног от усталости.

Эти две недели дались ей нелегко. Она плакала каждый день и каждый день хотела позвонить маме, чтобы попроситься обратно домой. И если бы не тетка Марья, Сашенька и в самом деле уже была бы сейчас в Грачах. Но вспомнив теткин наставления, стискивала зубы и терпела.

Ее посадили на верхний этаж, на телефон, разводить звонки.

– К клиентам выйти ты еще не готова, – сказал хозяин.

Сашенька обрадовалась и радовалась до тех пор, пока ее не просветила Стелла.

– Ты ведь не москвичка? – прищурившись, спросила она.

– Нет. А что?

– Квартиру снимаешь? – Сашенька кивнула. – Несладко тебе придется. Ты сейчас на окладе, ну, прибавят еще сотню-другую после испытательного срока. Как жить-то будешь? На кефире и хлебе?

Четыреста долларов в месяц были для Сашеньки огромными деньгами, пока она не вспомнила, что двести пятьдесят надо будет платить за квартиру. Но и сто пятьдесят – это богатство! Но потом она вспомнила, что единственный костюм купила ей тетка, а туфли уже поношенные, на них все косятся. Ничего пока не говорят, но Сашенька чувствует: так здесь не принято. Она теперь постоянно на людях, и поношенная обувь, равно как и одежда, недопустимы. Есть определенный дресс-код, и Стелла на это уже намекала. Сама она была модницей, и Сашенька перед ней робела.

– До тебя секретари по очереди наверху дежурили. Для нас это было наказание.

– Почему? – искренне удивилась она.

– У меня тоже четыреста плюс проценты с продаж. Менеджеры по работе с клиентами живут с продаж, запомни. Лучше всего, конечно, оптовикам, но чтобы туда перевестись, нужно набить клиентуру и нравиться хозяину. Он по любому мужчина и хочет видеть приятные женские лица. Ножки,

попки. Одевайся женственной, а то костюм на тебе слишком уж строгий. Вот увидишь: я переведусь, – и Стелла кокетливо одернула замшевую мини-юбку. – А тебе надо хотя бы проситься вниз, не то ноги протянешь. Учи матчасть, Адueva, – и Стелла упорхнула на кухню. Они с поварихой Катей были большие подружки.

Сашенька задумалась: а что такое проценты с продаж? Возможно, ее до сих пор еще не уволили именно оттого, что она не претендует ни на что, кроме оклада. Вон, менеджеры постоянно собачатся.

– Это мой клиент! Ты почему у него заказ приняла?!

– А потому что тебя на работе не было!

– Ну, вот он я. Отдавай клиента назад.

– Ага! Я уже талоны на сборку отнесла! Там ясно написано: менеджер Пашонкина.

– А мою фамилию не могла в талоны вбить?

– С какой стати? Я ведь работала!

– Да я с ним до этого год работал!

И так каждый день. Сашеньку поили чаем с подаренными оптовиками за скорость выполнения заказа конфетами и вкрадчиво просили:

– Ты новеньких переводы на меня. Особенно, если заказ крупный. Поняла?

Кроме сладостей и великодушного прощения чуть ли не ежеминутных ошибок, сама Сашенька с этих заказов ничего не имела, и повариха Катя однажды не выдержала и с жало-

стью сказала:

– Нельзя же быть такой наивной. Что ты ластишься ко всем? Ты сколько мужика вчера уговаривала, что у нас самая лучшая фирма в Москве и больше никуда обращаться не надо? У тебя голос добрый и честный, люди тебе верят. Ты кому нового клиента перевела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.